РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1864

НОЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Первая книжка *Русскаго Вѣстника* появится въ январѣ и быть-можетъ предупредитъ нѣсколькими днями послѣднюю книжку за истекающій годъ. Романъ *Нашъ Общій Другъ* выпускается Диккенсомъ двумя листами въ мѣсяцъ, и будетъ продолжаться въ теченіе всего будущаго года. Вмѣсто того чтобы раздѣлять переводъ дальнѣйшихъ вышедшихъ главъ этого романа на двѣ книжки, ноябрскую и декабрскую, редакція помѣститъ разомъ значительную долю его въ январской книжкѣ. Подписчикамъ не получившимъ *Русскаго Вѣстника* въ 1864 году будутъ особо выданы напечатанные листы этого романа, равно какъ и напечатанныя главы *Армадель*, помѣщеннаго въ текстѣ.

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи

(КАТКОВЪ и К°).

СЕМЕЙНЫЯ ЗАПИСКИ.*

I. Мавра Ивановна и ея потомки.

Въ первые годы царствованія Екатерины II, жила въ Москвѣ извѣстная всему городу Мавра Ивановна П—къ. Отъ перваго мужа у нея остался сынъ, а отъ втораго, который также умеръ, были двѣ дочери. Мавра Ивановна славилась своею красотой, хотя была уже не молода, вела дружескую переписку съ императрицей, и всѣ толковали о ея богатствѣ и аристократическихъ связяхъ. Благодаря этой блестящей обстановкѣ, общество, плясавшее на ея балахъ, прощало ей то, что̀ не сошло бы съ рукъ другой.

Несмотря на свои сорокъ пять лѣтъ и на взрослыхъ уже дѣтей, Мавра Ивановна не рѣшалась проститься съ веселою и разгульною жизнью. *Вдова человѣкъ мірской*, говоритъ народная поговорка, и эта поговорка сбылась надъ моей героиней. Сѣдые волосы пробивались уже въ ея черной косѣ, но пудра не выдавала ихъ тайны, и какъ принарядится, бывало, Мавра Ивановна, подрумянится, и пройдетъ вся въ блондахъ и бриліантахъ по своей великолѣпно освященной залѣ, гдѣ наши бабушки важно танцовали минуэтъ, да окинетъ толпу своими темными глазами, и остановитъ вдругъ горячій взоръ на какомъ-нибудь красавцѣ въ свѣтло-голу-

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1862 года №№ 10 и 11.

бомъ кафтанѣ и кружевномъ жабо, то сердце такъ и забьется въ груди у счастливца.

Но надо было торопиться испить чашу наслажденій: медовый мѣсяцъ продолжался у Мавры Ивановны не долго, и за медовымъ мѣсяцемъ слѣдовалъ быстрый разрывъ. Она была, какъ говорятъ Французы, une maitresse femme, и не останавливалась ни передъ чѣмъ, когда ее увлекала страсть, или даже капризъ. Наскучивъ предметомъ своей любви, она не считала нужнымъ объясниться съ нимъ, чтобы смягчить ударъ, который ему готовила, и не стѣсняясь ни мало, отдавала своимъ людямъ приказаніе не принимать его болѣе, и если встрѣчалась съ нимъ случайно, то отвѣчала холодно на его поклонъ и обращалась съ нимъ какъ съ посторонимъ. Но его мѣсто не оставалось никогда празднымъ.

У себя Мавра Ивановна была полною хозяйкой: своихъ людей она держала строго и требовала отъ нихъ безпрекословнаго повиновенія. Всѣ въ домѣ ея боялись, всѣ, за исключеніемъ однако старшей ея дочери. Младшая воспитывалась у тетки, и мать была къ ней холодна, точно также какъ и къ сыну; но Настенька, какъ звали ее въ семействѣ, была единственнымъ предметомъ привязанности Мавры Ивановны, умѣла укрощать крутой ея нравъ, обуздывала дикіе порывы бѣшенства, приводившіе всѣхъ въ ужасъ, и пробуждала въ ея сердцѣ нѣжныя струны, которыя ни для кого еще не звучали. Ей не было отказа ни въ чемъ, и если мать не скоро рѣшалась исполнить какую-нибудь ея просьбу, она говорила, что заплачетъ и занеможетъ, и дѣло шло на ладъ. Молодая дѣвушка сознавала свою силу и капризничала иногда какъ ребенокъ, потѣшаясь мыслью, что забывая и свой грозной характеръ, и свои родительскія права, за ней ухаживала мать, привыкшая къ безмолвной покорности всѣхъ ея окружавшихъ. Не понравится, бывало, что-нибудь Настенькѣ, и пойдетъ она въ свою комнату, и ляжетъ, жалуясь, на головную боль и на скуку, и отвѣчаетъ холодно на вопросы матери. Тогда Мавра Ивановна пошлетъ въ магазины забрать всякихъ нарядовъ, остановится на порогѣ спальни дочери, и начнетъ раскатывать по полу богатыя шелковыя ткани. Настенька смотритъ сначала угрюмо, но потомъ хорошенькое ея личико проясняется.

— Вотъ и улыбнулась, моя красавица, улыбнулась моя кра-

лечка, говаривала Мавра Ивановна, цѣлуя ее.— Выбирай же, что̀ тебѣ нравится, а хочешь, такъ и все себѣ оставь.

Но по мѣрѣ того какъ время шло впередъ, дѣтскія выходки миновали, и характеръ молодой дѣвушки принялъ серіозный и немного строгій складъ; она стала сознавать все яснѣе и яснѣе окружающую ея среду, и поняла съ ужасомъ, что не можетъ уважать матери. Эта мысль тѣмъ сильнѣе ее мучила, что нѣжность Мавры Ивановны къ ней заставляла ее ежеминутно обвинять себя въ неблагодарности и сердечной сухости; она старалась всячески себя преодолѣть, искала утѣшенія въ дружбѣ брата и въ серіозныхъ занятіяхъ, проводила нѣсколько часовъ въ день за ученіемъ, начала писать сама, и стала на-ряду съ самыми образованными женщинами своего времени.

Что касается до ея брата, онъ страдалъ за нее, когда она сама еще не сознавала своего фальшиваго положенія, и мечталъ о ея замужствѣ, какъ объ единственномъ способѣ отдалить ее отъ родительскаго дома. Разъ Настенька, вошедши въ его комнату, застала у него молодаго человѣка, который понравился ей съ перваго взгляда, и на котораго сама она произвела сильное впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ они видѣлись часто у П—ка, который радовался ихъ взаимной склонности, и старался ее поддержать съ той и другой стороны. Но влюбленный (его звали Ивлевымъ), не спѣшилъ признаніемъ: семейныя ли обстоятельства заставляли его молчать до времени, желалъ ли онъ продлить очарованіе первой эпохи любви—этого я не знаю; только дѣло въ томъ, что молодые люди были счастливы, читали ясно въ сердцѣ другъ друга, но рѣшительнаго объясненія между ними еще не было.

Въ это время Мавра Ивановна была героиней совершенно новаго для нея романа, потому что имѣла дѣло съ человѣкомъ, передъ которымъ сама робѣла. Князь Засѣкинъ былъ уменъ, но необразованъ, грубъ и развратенъ. Онъ понравился ей своею красотой, своею дикою силой и непреклонностью, съ которою шелъ, не взирая ни на что̀, къ желанной цѣли. Но эти достоинства, плѣнившія вдову, имѣли слишкомъ много общаго съ ея собственными свойствами, чтобы дѣло могло обойдтись безъ борьбы между ей и княземъ. Нашла, какъ говорится, коса на камень. Онъ не могъ

довольствоваться одною связью; Мавра Ивановна это знала, но всякій разъ какъ она пробовала упрекнуть его за невѣрность, онъ отвѣчалъ такимъ тономъ, что она старалась замять разговоръ, или переставалъ къ ней ѣздить, и она писала къ нему письма, въ которыхъ чуть ли не извинялась передъ нимъ. Гордость ея сильно страдала отъ этихъ отношеній, и были минуты, когда Мавра Ивановна не сумѣла бы сказать, любитъ она князя или ненавидитъ его, но мысли о разрывѣ съ нимъ она не допускала ни въ какомъ случаѣ.

На Настеньку князь производилъ непріятное впечатлѣніе, и она избѣгала его по возможности, не подозрѣвая, однако, что возбудила въ немъ самую необузданную страсть. Умѣя владѣть собой, онъ не выдавалъ своей тайны, но обдумалъ, и съ большимъ искусствомъ привелъ въ исполненіе планъ, который мелькнулъ въ его головѣ съ той минуты какъ Настенька ему понравилась. Онъ началъ съ того, что удалилъ нѣкоторыхъ изъ слугъ Мавры Ивановны и замѣнилъ ихъ своими собственными: оказалось сначала, что кучера перепортили лошадей; потомъ, что выѣздные лакеи неловки и не довольно проворны,—и лакеи, и кучера были смѣнены. Наконецъ, очистивши дворню по своему усмотрѣнію, князь нашелъ, что Француженка, жившая при Настенькѣ, держитъ себя совершенно неприлично, и рекомендовалъ другую, за которую ручался головой. Мавра Ивановна, не подозрѣвая ничего, соглашалась на всѣ эти перемѣны тѣмъ охотнѣе, что видѣла въ нихъ ясное доказательство нѣжной заботливости своего любовника.

У Настеньки былъ свой экипажъ, и она каталась каждый день въ каретѣ съ своею гувернанткой. Выѣхавъ разъ, и замѣтивъ, что ѣдетъ не въ ту сторону куда приказывала, она выглянула въ опущенное окно кареты (тогда не было еще ни колокольчиковъ, ни шнурковъ), и позвала одного изъ лакеевъ, стоявшихъ на запяткахъ, но они не отвѣчали на ея зовъ; тогда она возвысила голосъ, и обратилась къ кучеру, который не обернулъ даже головы; лошади продолжали бѣжать съ усиленною быстротой. Инстинктивный страхъ овладѣлъ молодою дѣвушкой —Что̀ они дѣлаютъ?—спросила она сидѣвшую рядомъ съ ней Француженку,—но та отвѣчала какою-то незначущею фразой. Карета въѣхала на большой дворъ и остановилась у подъѣзда бога-

таго дома; одинъ изъ лакеевъ отворилъ дверцу и спустилъ подножку, и въ то же время князь показался на крыльцѣ.

— Куда вы меня привезли? спросила дрожащимъ голосомъ Настенька, прижимаясь къ Француженкѣ, которая не обнаруживала ни страха, ни удивленія.

Никто ей не отвѣчалъ. Князь взялъ ее на руки, вошелъ съ нею въ домъ, пронесъ ее черезъ длинный рядъ комнатъ и заперъ дверь....

По возвращеніи домой, молодая дѣвушка сильно занемогла. Когда она начала оправляться отъ болѣзни, у нея не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ своего положенія, и ею овладѣло сильное отчаяніе. Она старалась однако обдумать, на сколько возможно, что̀ оставалось ей дѣлать. Щадя привязанность къ себѣ брата, она не хотѣла довѣриться ему; что касается до Мавры Ивановны, Настенька знала ее коротко, понимала, что любовь матери окажется безсильною передъ ревностью любовницы и оскорбленною гордостью, а потому употребила всѣ старанія, чтобы скрыть отъ нея свою тайну, и рѣшилась, наконецъ, переговорить съ княземъ.

Улучивъ удобную минуту, она подавила, не безъ усилій, чувства, волновавшія до глубины ея сердце, и приступила прямо къ объясненію. Жизнь ея была разбита, но она хотѣла, по крайней мѣрѣ, спасти свою честь и не краснѣть передъ собой и другими, и требовала, чтобы князь на ней женился, прибавляя, что будетъ ему вѣрною и честною женой, но чтобы любви отъ нея онъ не ждалъ.

Князь отвѣчалъ, что будетъ слишкомъ счастливъ, и что надѣется современемъ заслужить ея любовь и изгладить свою вину, но боясь со стороны Мавры Ивановны необузданнаго взрыва гнѣва, который не пощадилъ бы Настеньки, онъ поддержалъ ее въ мысли не открываться матери, и было рѣшено, что въ назначенный день молодая дѣвушка уйдетъ тайно изъ дома, между тѣмъ какъ князь будетъ ожидать ее на улицѣ и отвезетъ въ церковь.

Видѣлась ли Настенька съ Ивлевымъ, объяснилась ли съ нимъ, и что̀ сталось съ молодымъ человѣкомъ, — объ этомъ преданіе молчитъ.

Князь устроилъ все, сдѣлалъ надлежащія распоряженія съ своею обыкновенною ловкостью, и далъ знать Настенькѣ, когда онъ будетъ ее ожидать. Можно себѣ представить,

съ какимъ чувствомъ покинула она родительскій кровъ! Бѣгство совершилось благополучно: никто ея не замѣтилъ, но кто-то изъ людей князя проговорился еще поутру въ застольной, и его неосторожное слово подтвердило догадки, возбужденныя между слугъ болѣзнію Настеньки и многими мелочными, но двусмысленными обстоятельствами. Въ одну минуту сдѣланы были сближенія; одно сообразили, другое угадали, и когда наконецъ убѣдились, что барышни нѣтъ въ ея комнатѣ, между тѣмъ какъ она ушла къ себѣ жалуясь на головную боль, не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ истины. Одна изъ горничныхъ, разсчитывая, вѣроятно, на награду, вбѣжала къ Маврѣ Ивановнѣ, крича издали:

— Матушка, барыня, Настасья Ѳедоровна убѣжали съ княземъ Александромъ Сергѣичемъ, и ихъ вѣнчаютъ теперь у Николы въ Воробинѣ.

Мавра Ивановна поблѣднѣла какъ мертвецъ. Грусть Настеньки и смущеніе, которое она не въ силахъ была вполнѣ скрыть, давно уже безпокоили сердце вдовы, хотя ея подозрѣнія не принимали еще никакого опредѣленнаго характера. Голосъ ея замеръ, голова опустилась на грудь, и глаза устремились неподвижно на полъ, но когда черезъ нѣсколько минутъ она приподняла вѣки, въ выраженіи ея взгляда было что-то такое грозное, и голосъ ея звучалъ такъ страшно, когда она крикнула: „карету!“ что всѣ присутствовавшіе дрогнули.

Все что было мущинъ въ дворнѣ бросилось въ конюшню и каретный сарай. Кучеръ и лакеи, сосланные въ людскую княземъ З—мъ, поняли, что наступило для нихъ время вступить опять въ свои права, и черезъ нѣсколько минутъ карета уже стояла у подъѣзда. Но князь все предвидѣлъ и принялъ на всякій случай свои предосторожности: только что Мавра Ивановна отъѣхала немного отъ дома, человѣкъ двадцать, бродившихъ, повидимому, безъ цѣли по улицѣ, окружили экипажъ, перерѣзали постромки и разбѣжались въ разныя стороны. Поднялась суматоха, прохожіе столпились около кареты, разспрашивая о случившемся, и сообщая другъ другу свои догадки. Люди Мавры Ивановны совершенно растерялись, но ихъ скоро привелъ въ себя повелительный голосъ барыни. По ея приказанію, кучеръ и форейторъ побѣжали

бѣгомъ домой, держа лошадей подъ устцы, собрали другую сбрую, возвратились къ экипажу и начали опять закладывать. „Скорѣй! скорѣй!“ повторяла дрожащимъ отъ ярости голосомъ Мавра Ивановна. Но какъ ни торопились, много времени было потеряно. Наконецъ, все готово, и поѣхали опять, не встрѣчая на этотъ разъ никакой помѣхи. Лошади мчались вихремъ и остановились наконецъ всѣ въ пѣнѣ передъ церковью Николы въ Воробинѣ.

Подножка кареты была опущена въ мигъ, и Мавра Ивановна, не помня себя, вбѣжала на паперть, но двери были заперты, и сторожа, приставленные къ церкви, объявили, что „не приказано впускать“. Она бросилась къ окну, и при слабомъ освѣщеніи храма увидала священника подносящаго крестъ къ блѣднымъ губамъ ея дочери. Обрядъ вѣнчанія былъ совершенъ.

Мавра Ивановна возвратилась опять на паперть, и хотѣла броситься на новобрачныхъ, когда дверь отворилась передъ ними, но сторожа выстроились въ рядъ и загородили ее словно стѣной. Молодая, увидавъ мать, упала въ обморокъ, и ее отнесли въ карету, куда ее проводили слова проклятія, произнесенныя надъ ней и надъ ея потомствомъ изъ рода въ родъ.

Чѣмъ нѣжнѣе Мавра Ивановна любила дочь, чѣмъ горячѣе ея необузданная натура, не угомонившаяся съ годами, привязалась къ князю, тѣмъ неумолимѣе былъ ея гнѣвъ, тѣмъ сильнѣй высказывалась ея ненависть. Мысль о мщеніи преслѣдовала ее день и ночь. Она писала къ Екатеринѣ, что оскорблена какъ мать и требуетъ, основываясь на правахъ, которыя законъ даетъ родителямъ, чтобы преступная дочь ея была строго наказана. Екатерина, желая съ одной стороны показать свое уваженіе къ закону, а съ другой не рѣшаясь принять на себя отвѣтственность за приговоръ, который возбудилъ бы общее негодованіе, отвѣчала, что это дѣло до нея не касается и должно идти судебнымъ порядкомъ.

Тогда Мавра Ивановна подала просьбу, въ которой обвиняла дочь въ непослушаніи, возводила на нее небылицы и требовала, чтобъ „*эта мерзавка была высѣчена кнутомъ и сослана въ Сибирь.*“

Такія нелѣпыя требованія не могли быть удовлетворены, однако дѣло было рѣшено въ пользу матери, на сколько до-

пускалъ законъ. Но для приведенія въ исполненіе сенатской резолюціи требовалась императорская подпись. Князь Засѣкинъ явился въ Петербургъ съ надеждой устранить бѣду: онъ не жалѣлъ ни денегъ, ни хлопотъ, ни просьбъ. Его моленія дошли многими путями до Екатерины, которая вышла изъ затруднительнаго положенія съ своимъ обыкновеннымъ тактомъ. Всѣмъ адвокатамъ молодой женщины она отвѣчала, что не считаетъ себя въ правѣ противиться власти закона и дѣйствительно подписала приговоръ, но вмѣсто того чтобы засыпать бумагу пескомъ она взяла будто по ошибкѣ черниллицу и опрокинула ее на свою подпись.

— Отошлите эту бумагу г-жѣ П—къ, сказала она своему секретарю, и напишите ей, что законъ былъ готовъ ее удовлетворить, но что Господь Богъ, допустивъ уничтоженіе моей подписи, явилъ свое явное покровительство надъ ея дочерью. Прибавьте, что я буду сама къ ней скоро писать, а теперь прошу ее, во имя нашей дружбы, не продолжать болѣе этого дѣла.

Но Мавра Ивановна была не въ силахъ отказаться отъ своей мести. Она искала всячески случая встрѣтиться съ дочерью, и твердила, что не будетъ покойна, пока не опозоритъ ее публично. И други, и недруги спѣшили увѣдомить о томъ Настасью Өедоровну, которая блѣднѣла при одномъ имени матери и увѣряла, что не переживетъ встрѣчи съ ней. Князь принялъ всѣ возможныя предосторожности противъ тещи, сдѣлалъ изъ своего дома что-то въ родѣ крѣпости, и объявилъ людямъ, что если Мавра Ивановна найдетъ возможность добраться до княгини, они за это поплатятся не на шутку.

Но разъ онъ куда-то выѣхалъ съ женой, и выглянувъ въ окно кареты, узналъ приближающійся экипажъ тещи. „Это Мавра Ивановна,“ закричалъ онъ кучеру, „воля и тысячу рублей, если ты отъ нея уѣдешь.“

Лошади поскакали. Между тѣмъ лакеи Мавры Ивановны доложили ей, что княгиня ѣдетъ съ мужемъ, и она приказала гнаться за ними, стараясь въ свою очередь, ободрять кучера обѣщаніями и пугать угрозами. Долго мчались оба цуга одинъ за другимъ по городу. Въ первую минуту испуга Настасья Өеодоровна лишилась чувствъ, но боли, предшествовавшія родамъ, привели ее въ себя. Заѣхали такъ далеко, что нечего

было и думать о возвращеніи домой, и утомленныя лошади продолжали бѣжать лишь подъ усиленными удара кнута. „Ради Бога куда-нибудь! нѣтъ ли тутъ знакомаго дома?“ кричалъ князь.

Знакомаго дома не было, но кучеръ, видя что дѣло плохо, повернулъ быстро въ переулокъ, въѣхалъ на первый попавшійся дворъ; и остановилъ карету за строеніями, чтобы скрыть ее отъ Мавры Ивановны, которая проѣхала мимо черезъ нѣсколько секундъ.

Князь вышелъ изъ кареты и сталъ умолять хозяевъ дома дать убѣжище его женѣ, которая была не въ силахъ ѣхать дальше. Добрые люди приняли очень радушно его просьбу. Княгиню уложили въ постель и послали за повивальною бабушкой. Но она не успѣла явиться, когда крикъ ребенка раздался уже въ домѣ.

Мавра Ивановна начала думать сама, что ей не удастся удовлетворить своей мести, и что Провидѣніе дѣйствительно хранитъ ея дочь. Новая тоска овладѣла ею при этой мысли, и чтобы разсѣять ее чѣмъ-нибудь, она рѣшилась пожить, какъ говорится, въ свое удовольствіе, пустилась въ настоящія оргіи, и стала раздавать своимъ любовникамъ накопленные капиталы и богатыя помѣстья. Изъ родственниковъ ли ея кто-нибудь, заботясь объ участи ея дѣтей, довелъ это обстоятельство до свѣдѣнія императрицы, или Екатерина услышала объ немъ случайно, я не знаю, но она написала къ Маврѣ Ивановнѣ и замѣтила ей, что каждый имѣетъ право удовлетворять своимъ собственнымъ чувствамъ, пока не причиняетъ никому ущерба. но что мать семейства обязана передать своимъ дѣтямъ имѣніе, полученное какъ залогъ отъ родителей. Прибавимъ, что письмо было самое дружеское; Мавра Ивановна, злоупотребляя правами дружбы, отвѣчала императрицѣ весьма рѣзкимъ письмомъ.

Екатерина, прочитавъ письмо, нашла, что дружескія отношенія не давали права Маврѣ Ивановнѣ объясняться съ ней такимъ тономъ, и рѣшилась напомнить ей о долгѣ. Даны были надлежащія инструкціи; Мавру Ивановну взяли и отвезли подъ стражей въ *мужской* звенигородскій Савинскій монастырь, гдѣ она содержалась секретно въ продолженіи многихъ лѣтъ. Дѣтямъ было объявлено, что они могутъ раздѣлить ея имѣніе какъ наслѣд-

ство доставшееся имъ послѣ умершей, и ея уже давно не было на свѣтѣ, когда они узнали о мѣстѣ ея заточенія.

Между тѣмъ молодая княгиня нѣжно привязалась къ болѣзненному и рожденному прежде времени сыну. Влюбленный мужъ ухаживалъ за ней, и старался, по своему обѣщанію, загладить свою вину. Любить его она не могла, но старалась не оскорблять его привязанности и исполняла свято всѣ супружескія обязанности. Однако страсть князя начала охлаждаться, и вмѣстѣ съ тѣмъ стала проявляться вся грубость его натуры. За нѣжными изъявленіями чувства и деликатнымъ вниманіемъ послѣдовали возмутительныя выходки невѣжественнаго и избалованнаго барича. Онъ пустился опять въ разгульную жизнь и наполнилъ свой домъ товарищами своихъ кутежей. Тогда Настасья Ѳедоровна объявила ему, что она оставалась и останется вѣрною долгу жены, но считаетъ себя наконецъ въ правѣ требовать немного спокойствія и свободы, и потому не будетъ вмѣшиваться въ его дѣла, но рѣшилась, съ своей стороны, удалиться отъ свѣта и жить отдѣльно съ дѣтьми во флигелѣ, гдѣ будетъ принимать лишь близкихъ ей людей. Князь согласился на эти условія тѣмъ охотнѣе, что несмотря на его безцеремонное обращеніе съ женой, ея непреклонный характеръ и строгія понятія о семейныхъ обязанностяхъ невольно его стѣсняли. Съ этой минуты супруги стали совершенно чужды другъ другу.

Молодая женщина сохранила лишь самый тѣсный кругъ знакомства, и занялась воспитаніемъ своихъ трехъ сыновей; но такъ какъ князь не позаботился о томъ чтобы нанять для нихъ учителей, то ихъ образованіе осталось крайне неполнымъ. Княгиня посвящала также значительную часть дня молитвѣ и занятіямъ; она много читала, вела постоянную переписку съ сестрою, вышедшею замужъ въ Петербургѣ, и сочиняла. Къ сожалѣнію, не осталось ничего изъ ея литературныхъ опытовъ; большая часть ея бумагъ погибла. Въ числѣ уцѣлѣвшихъ, еще недавно хранилось у ея внучекъ любопытное письмо ея сестры. Въ этомъ посланіи, написанномъ самымъ прявильнымъ французскимъ языкомъ, тогдашняя львица разказывала, какъ ухаживаютъ за ней вельможи екатерининскаго двора, и въ концѣ прибавила приписку слѣдующаго содержанія:

„Милостивому государю, братцу, князю Александру Сергѣевичу усердно кланяюсь и желаю добраго здоровья, и прошу

васъ, любезный братецъ, не взыщите, что я къ вамъ пишу столько немного, потому что вы сами знаете, какъ мнѣ трудно экспликоваться по-русски."

Князь рѣшился, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, переселиться съ семействомъ въ свое тверское имѣніе, гдѣ могъ съ бо́льшимъ удобствомъ удовлетворять своимъ наклонностямъ и привычкамъ. Огромный домъ, великолѣпная усадьба и многочисленная дворня способствовали исполненію его затѣй. Онъ завелъ псовую охоту, домашній окрестръ и домашній театръ, на которомъ отличались его крѣпостные, а при театрѣ, разумѣется, цѣлый гаремъ. Въ село Покровское съѣзжалась вся губернія, устраивались отъѣзжія поля; на пиры да на обѣды тратились значительные доходы и не было предѣловъ кутежамъ.

Что касается до княгини, она жила точно также какъ и въ Москвѣ на *своей половинѣ*, продолжала заниматься, не входила ни въ какія хозяйственныя распоряженія, и не принимала почти никого, тѣмъ болѣе, что ея здоровье сильно разстроилось. Мужъ навѣщалъ ее иногда изъ приличія, и они бесѣдовали другъ съ другомъ какъ посторонніе. Когда сыновья стали уже молодыми людьми, она поторопилась записать ихъ въ службу, чтобъ удалить какъ можно раньше отъ пагубнаго вліянія отца.

Съ минуты ихъ отъѣзда, она осталась въ совершенномъ уже уединеніи. Болѣзненное состояніе лишь рѣдко позволяло ей выходить изъ комнаты и подышать свѣжимъ воздухомъ, и она цѣлый день проводила за перомъ или за книгой и работала для церкви; но грустныя воспоминанія, не покидавшія ее, и отсутствіе дружескаго лица и всякой живой бесѣды наводили на нее тоску, которая перешла наконецъ въ болѣзнь.

Но бѣдная женщина узнала радость по крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы своей жизни: второй сынъ ея, князь Вадимъ Александровичъ, женился, и она привязалась къ невѣсткѣ со всеюнѣжностью матери. И мудрено, было не полюбить княгини Анны Борисовны. Я ее мало знала, но не встрѣчала до сихъ поръ ни одного человѣка, который не отдавалъ бы справедливости ея свѣтлому уму и любящему сердцу, и дѣдъ мой Василій Семеновичъ, не расточительный на похвалы, не упускалъ никогда случая упомянуть, что онъ ее глубоко уважаетъ. Мужъ ея, человѣкъ очень умный, честный до щепетиль-

ности въ денежныхъ дѣлахъ, усвоилъ себѣ къ несчастію привычки среды, съ которою познакомилъ его слишкомъ рано отецъ. Не разъ оскорблялъ онъ безпощадно сердце молодой жены, но подчиняясь невольно ея превосходству: онъ имѣлъ къ ней безграничную довѣренность, каялся ей самъ въ своихъ проступкахъ, обѣщая ей часто со всею возможною искренностью, что не впадетъ болѣе въ новыя ошибки; но привычка брала постоянно верхъ надъ благими намѣреніями. Горько плакала княгиня, но не оскорбила его никогда словомъ упрека, и помогала ему не разъ выйдти изъ затруднительнаго положенія, въ которое онъ часто ставилъ себя въ отношеніи къ ней. Онъ очень любилъ своихъ дѣтей, и не жалѣлъ ничего для ихъ воспитанія; но сознавая вполнѣ, до какой степени его собственное образованіе было ограничено, поручилъ ихъ попеченію княгини, которая завѣдывала также и управленіемъ дома. Со всѣмъ этимъ, она старалась всегда выставить мужа впередъ, умѣла убѣдить многихъ, что безъ его совѣтовъ и руководства она не могла бы ничѣмъ распорядиться, и держала себя съ такимъ достоинствомъ, что никто изъ самыхъ даже близкихъ не смѣлъ ей никогда намекнуть на слабости князя.

Свекровь не знала въ ней души, и оживала, когда Анна Борисовна являлась погостить въ Покровское съ своими малютками. Но старушка, такъ долго страдавшая, жившая какъ чужая въ домѣ мужа, измученная своею хандрой, становилась иногда недовѣрчива и подозрительна. Анна Борисовна, оскорбленная ею не разъ, брала однако всегда во вниманіе ея болѣзнь и грустное ея положеніе, ухаживала за нею и уговаривала ее какъ ребенка. Но когда Настасья Ѳеодоровна, избалованная лаской и заботливостью невѣстки, разчитывая на ея вѣчную снисходительность, давала не застѣсняясь волю своему раздражительному характеру и затрогивала слишкомъ нѣжныя струны ея сердца, горячая природа молодой женщины пробуждалась мгновенно и высказывалась со всею своею силой.

Разъ Настасья Ѳеодоровна, скучая въ уединеніи и страдая отъ своихъ нервныхъ припадковъ, жаловалась, что невѣстка, живя въ шестидесяти только верстахъ, навѣщаетъ ее такъ рѣдко. Родственница, которой она повѣряла свое неудовольствіе, воспользовалась этою минутой и, вѣро-

ятно, изъ какихъ-нибудь личныхъ видовъ, отвѣчала, что хотя Анна Борисовна кажется, повидимому, примѣрною женой и матерью, и старается всячески угождать свекрови, но все же чужая душа потемки, и ходятъ разные слухи, которымъ, разумѣется, было бы слишкомъ больно вѣрить, но вѣдь не даромъ же всѣ вдругъ заговорили, и т. д.

Пробужденная подозрительность старушки требовала объясненія, и оказалось наконецъ, что молодая княгиня, которая смотритъ ангеломъ во плоти, въ сущности не что̀ иное, какъ женщина самая коварная и самая безнравственная, и что всѣмъ извѣстны, за исключеніемъ только обманутаго мужа, ея отношенія къ красивому иностранцу, что̀ ѣздитъ къ ней каждый день.

Скандальная повѣсть объ этихъ отношеніяхъ была, разумѣется, пересыпана сѣтованіями о томъ, что Богъ не привелъ такую достойную мать порадоваться на счастіе сыновей. Настасья Ѳедоровна, раздраженная болѣзнію и обманутая тономъ разкащицы, не дала себѣ времени обдумать немного вопросъ, и повинуясь первому движенію сердца, принялась за перо и написала къ Аннѣ Борисовнѣ самое грозное письмо, говорила, что больше не поддастся ея хитростамъ, что знаетъ все, и упрекала ее въ томъ, что она обезчестила ихъ имя. Отправивъ свое посланіе, она стала ждать съ нетерпѣніемъ, если не испуганной невѣстки, которая явится къ ней съ плачемъ и раскаяніемъ, то по крайней мѣрѣ самаго униженнаго, самаго умоляющаго отвѣта.

Не вспомнила себя молодая женщина, когда прочла полученное ею письмо. Она приказала въ ту же минуту закладывать лошадей и поскакала въ Покровское. Во все продолженіе дороги она не могла успокоиться; вся кровь въ ней кипѣла, сердце ея сильно билось, и она доѣхала, не спросивъ себя ни разу, съ чего начнется ея объясненіе съ свекровью.

Настасья Ѳедоровна сидѣла одна на своей постели, когда дверь ея комнаты отворилась, и Анна Борисовна, держа письмо въ рукахъ, остановилась на порогѣ. Обѣ женщины переглянулись.

— Княгиня, воскликнула наконецъ дрожащимъ голосомъ, кроткая и покорная невѣстка,—я пріѣхала васъ спросить, какъ вы смѣли написать ко мнѣ это письмо?

Честное негодованіе, которое звучало въ ея словахъ и придавало голубымъ ея глазамъ несвойственное имъ выраже-

ніе, говорило краснорѣчивѣе всякаго объясненія. Старушка открыла широко свои объятія:

— Поцѣлуй меня и прости меня, сказала она.

И Анна Борисовна подошла и обняла ее.

Однако, грустныя мысли, преслѣдовавшія старую княгиню, принимали со дня на день болѣе мрачный характеръ, и со дня на день ея тоска становилась мучительнѣе. Она потеряла аппетитъ и сонъ, покинула свои занятія, отдалилась отъ всѣхъ, и нравственныя ея силы видимо оскудѣли.

— Это материнское проклятіе тяготитъ мою душу, говорила она иногда.

Анна Борисовна, которой она высказывала часто свое горе, подала ей мысль ѣхать на могилу Мавры Ивановны.

— Повѣрьте, матушка, говорила она, — что это облегчитъ ваше сердце: вы помолитесь и примиритесь съ ея тѣнью. Это путешествіе будетъ для васъ, разумѣется, трудно, но Богъ поможетъ. Я соберусь съ вами, и хоть не скоро, а какъ-нибудь доѣдемъ.

Старушка горячо ухватилась за эту мысль и стала собираться въ дорогу. Она въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ почти не покидала постели, и легко можно себѣ представить съ какими трудностями было сопряжено путешествіе. Оно тянулось неимовѣрно долго, и Анна Борисовна совершила положительный подвигъ самоотверженія. Случалось не разъ, что отъѣхавъ десять или пятнадцать верстъ, они принуждены были останавливаться, чтобы подкрѣпить силы больной, и приходилось проводить цѣлыя сутки въ смрадной избѣ. Одолѣваемая непобѣдимою хандрой, Настасья Ѳедоровна часто металась изъ одного угла кареты въ другой, повторяя, что она проклята, что ей страшно, что Богу не угодно допустить ее до могилы матери, что нельзя идти противъ Его святой воли и что надо ѣхать назадъ. Тогда молодая женщина старалась своими ласками, молитвами, увѣщаніями успокоить ее и придать немного бодрости ея тоскующему сердцу, или пыталась развеселить ее разговоромъ, или оживленнымъ разказомъ.

Доѣхавъ, наконецъ, до Звенигорода, они остановились въ гостиницѣ, и Анна Борисовна, повѣривъ свекровь попеченію горничныхъ, пошла въ Савинскій монастырь. Она переговорила съ настоятелемъ, отыскала забытую могилу, и разчитывая на все, что могло потрясти душу больной и

вызвать у нея слезы, которыхъ она уже давно не знала, наняла пѣвчихъ и заказала соборную паннихиду. Когда Настасья Өедоровна, поддерживаемая двумя горничными и едва переступая, показалась въ монастырской оградѣ, церковное пѣніе грянуло хоромъ. Старушка дрогнула и, подошедши къ могилѣ, опустилась на колѣна. Сильное волненіе овладѣло ею и высказалось, наконецъ, потоками слезъ. Послѣ паннихиды она обняла невѣстку и горячо ее благодарила, говоря, что камень свалился съ ея души; и дѣйствительно, послѣ этого путешествія тревожные сны и мучительныя воспоминанія перестали ее преслѣдовать, и раздраженные нервы ея, видимо успокоились.

По возвращеніи своемъ въ Покровское, она принялась опять за оставленныя занятія и стала принимать съ прежнею привѣтливостью немногихъ своихъ посѣтителей. Сидя разъ за завтракомъ, она услышала изъ оконъ своей комнаты, обращенныхъ въ садъ, свѣжій смѣхъ, и вслѣдъ за нимъ дѣтскій голосъ затянулъ веселую пѣсню.

— Кто это поетъ? спросила она у одной изъ своихъ горничныхъ.

— Дѣвочекъ послали въ садъ ягоды собирать для варенья, ваше сіятельство; такъ это вѣрно которая-нибудь изъ нихъ. Велю имъ молчать, чтобы господъ не безпокоили.

— Нѣтъ, оставь ихъ, и поди приведи ко мнѣ эту пѣвунью.

Горничная вышла и черезъ нѣсколько минутъ возвратилась съ хорошенькою довочкой лѣтъ шести, которая шла за нею, смѣло переступая босыми и грязными ногами и оглядываясь съ любопытствомъ, но безъ малѣйшаго признака страха.

— Какъ тебя зовутъ? спросила ее княгиня.

— Анька, отвѣчала дѣвочка, глядя на нее прямо своими умными голубыми глазами.

— Какая ты мастерица пѣть! замѣтила Настасья Өедоровна и потрепала ее по щекѣ,—посмотри, чѣмъ я угощу тебя за твою пѣсню, продолжала она, подвигая къ ней тарелку съ молочною кашей, — отвѣдай-ка какъ сладко.

Анька, или скорѣе Аннепька, какъ ее стали звать въ послѣдствіи, стала ѣсть, стуча немилосердо серебряною ложкой по фарфоровой тарелкѣ.

— Тише, сказала княгиня, которая при своей слабости не могла выносить ни малѣйшаго стука.

Но дѣвочка взглянула на нее и продолжала колотить ложкою по тарелкѣ.

— Тише, говорятъ тебѣ, повторила Настасья Θедоровна,— а если ты не будешь слушаться, я тебя велю наказать.

— Не смѣешь; вѣдь я старостина дочь, отвѣчала бодро Анненька, знавшая твердо, какія исключительныя права даетъ ей на деревнѣ родительскій санъ.

Княгиня разсмѣялась; непринужденный тонъ и счастливая физіономія дѣвочки ей понравились.

— Хочешь ты остаться при мнѣ? спросила она ее.

— Нѣтъ, я хочу уйдти домой.

— Да вѣдь я тебя буду отпускать домой, и ночевать ты будешь дома, а днемъ приходи сюда, я тебя наряжу въ хорошія платья, и ты будешь ѣсть бѣлую кашу.

— Ну чтожъ!

На томъ и порѣшили. Анненька вымытая, причесанная и наряженная, стала являться каждый день къ барынѣ. Ей очень нравились сначала и ея хорошенькое ситцевое платье, и незнакомая для нея среда; но какъ скоро прелесть новизны миновала, дѣвочка стала тосковать объ отцовской избѣ, объ играхъ съ другими ребятишками и о вольномъ своемъ житьѣ. Не успѣетъ она, бывало, придти къ Настасьи Θедоровнѣ, какъ уже просится домой. Но тутъ она начала понимать, что господская милость даромъ не достается, и что званіе старостиной дочери не на всѣхъ одинаково дѣйствуетъ. Горничныя, видя, что дѣвочка замѣняетъ ихъ болѣе или менѣе около княгини, и что княгиня ею потѣшается и смѣется ея выходкамъ, не отпускали иногда ее домой прежде ночи. „Молчи, пострѣленокъ, отвѣчали они на ея неотступныя просьбы, а не то оттаскаютъ.—Еще успѣешь насидѣться въ своей избѣ.“

Но несмотря на эти стѣсненія, она начала мало-по-малу свыкаться съ новымъ положеніемъ, представлявшимъ много свѣтлыхъ сторонъ, и привязалась къ княгинѣ, которая ее лакомила, баловала и прочила въ горничныя своей любимой внучкѣ. Но не прошло года, какъ судьба дѣвочки опять измѣнилась.

Одна изъ фаворитокъ князя увидала ее и пожелала имѣть у себя въ услуженіи, и князь тутъ же приказалъ, чтобы Анненьку перевели къ Акулинѣ Сидоровнѣ.

— Какъ же прикажете доложить объ ней княгинѣ, ваше

сіятельство? спросила одна изъ горничныхъ Настасьи Ѳедоровны.

— Сказать ей, что дѣвчонка занемогла, вотъ и все;— отвѣчалъ Александръ Сергѣевичъ.

И дѣйствительно, сказали княгинѣ, что Аннењка больна. Старушка очень объ ней горевала, и посылала ей лѣкарство и варенье. Мнимая болѣзнь продолжалась недѣлю, потомъ другую, и наконецъ горничныя Настасьи Ѳедоровны рѣшили, что надо прекратить эту комедію, и объявили барынѣ, что ея любимица умерла.

Между тѣмъ дѣвочка терпѣла горькую долю. Благодаря ея хорошенькому личику и свѣжему голосу, князь приказалъ готовить ее къ театру, и начались мучительные танцовальные уроки. Кромѣ того, Акулина Сидоровна заставляла ее вязать чулокъ по урокамъ, и строго наказывала за малѣйшую провинность. Когда Аннењка, сосчитавъ ряды своего чулка, убѣждалась съ ужасомъ, что урокъ ея не готовъ, она убѣгала въ пустой театръ и пряталась въ ложу суфлера, съ надеждой, что ее тамъ не найдутъ. Но время длилось безконечно, и бѣдняжка, соскучившись долгимъ заточеніемъ, рѣшалась, наконецъ, покинуть свою тюрьму и подвергнуться наказанію, котораго надѣялась сначала избѣгнуть. Домой ее уже совсѣмъ не отпускали, даже и на ночь. Некому было ее приласкать, некому побаловать. Развѣ когда изрѣдка дождется она вечера, уйдетъ тайкомъ и прибѣжитъ, не переводя духу, въ избу отца. Тамъ она выскажетъ свое горе, наплачется вдоволь, оглядитъ каждый уголокъ родимаго гнѣздышка, и пойдетъ назадъ, сопровождаемая благословеніями и слезами, и у нея на сердцѣ станетъ какъ будто полегче. Мимо оконъ княгини ей подъ самыми строгими угрозами было запрещено ходить, однако она все мечтала о возможности добраться до нея. Но осуществить такой планъ, было мудрено. Чтобы попасть въ комнаты Настасьи Ѳедоровны, необходимо было пройдти мимо цѣлой фаланги горничныхъ, которыя не пропустили бы бѣглянки.

Но вдругъ всѣ стали толковать о болѣзни княгини, а черезъ нѣсколько дней разнесся слухъ о ея кончинѣ. Аннењку не смутило это извѣстіе: вѣдь увѣрили же княгиню въ моей смерти, разсуждала она, а теперь должно-быть всѣ сговорились, чтобъ и меня увѣрить въ ея смерти, — да не удастся

имъ меня обмануть! и она стала, съ новымъ рвенiемъ, обдумывать свой планъ.

Однако въ домѣ и людскихъ поднялась страшная суматоха. Всѣ бѣгали, суетились, обмѣнивались разказами. И дворовые, и крестьяне шли, безъ доклада, на парадное крыльцо господскаго дома. Аннанька не переступала еще никогда через порогъ этого крыльца, и не давая себѣ отчета въ томъ что̀ совершается около нея, вздумала воспользоваться удобнымъ случаемъ, пошла за толпой, и взобравшись на лѣстницу, не остановилась съ прочими, въ передней, а скользнула въ темный корридоръ, съ надеждой отыскать путь въ спальню княгини. Сердце дѣвочки сильно билось отъ страха и ожиданiя. Прошедши корридоръ, она толкнула низенькую дверь, и очутилась въ большой, богато-убранной комнатѣ. Высокiя кресла были обтянуты бархатомъ, на потолкѣ красовалась огромная люстра изъ бронзы и хрусталя, и напудренныя головы мущинъ и дамъ выглядывали строго или привѣтливо изъ позолоченныхъ рамокъ висѣвшихъ около стѣнъ. Аннанька оглянулась и остановилась, не смѣя идти дальше. Много слыхала она сказокъ о палатахъ царя Салтана и царицы Мелицы, но въ самыхъ смѣлыхъ ея грезахъ не мерещилось ей такихъ чудесъ. Даже и въ церкви, гдѣ много образовъ въ богатыхъ ризахъ, не видала она столько золота и роскоши, и пришло ей въ голову, что такое великолѣпiе прилично только мѣсту посвященному Богу, и что она зашла въ какое-то святилище. Дѣвочка, набожно перекрестившись и полюбовавшись нѣсколько минутъ на все ее окружающее, прошла черезъ комнату и отворила дверь. Запахъ ладана дошелъ до нея, и отдаленный говоръ поразилъ ея слухъ. Она пошла дальше и остановилась какъ вкопанная въ дверяхъ огромной залы. Блѣдная и наряженная въ бѣлое платье, княгиня лежала на столѣ, окруженномъ высокими серебряными подсвѣчниками. Домашнiе и съѣхавшiяся сосѣдки тѣснились около стѣнъ, и священникъ въ черныхъ ризахъ держалъ въ рукахъ большой пучокъ зажженныхъ восковыхъ свѣчей. Аннанька почувствовала, что сердце ея словно оборвалось; она прижалась въ уголъ и горько заплакала.

Фаворитки Александра Сергѣевича прiобрѣтали большую власть въ домѣ, какъ скоро попадали въ милость барина, но владычество ихъ продолжалось не долго. Одна смѣняла быстро другую; не было еще примѣра, чтобы князь позаботился о

бывшей любимицѣ или о ея потомствѣ. Одна только дѣвочка, которую дворовые называли иронически *княжной*, обратила на себя его вниманіе. Читалъ ли онъ въ грустныхъ глазахъ Маши невольный упрекъ тому, кто возложилъ на нее тяжелое бремя жизни, или что-то похожее на угрызеніе совѣсти говорило въ немъ, когда онъ вспоминалъ блѣдность и отчаяніе ея матери въ тотъ вечеръ, какъ бѣдную женщину привели въ его комнату и затворили за ней двери,—Богъ знаетъ, но онъ приказалъ, чтобы Маша жила *вверху* у экономки, и приходила обѣдать за господскимъ столомъ. Дѣвочка росла съ мыслію, что она дочь князя, но не могла понять, почему она его не называетъ отцомъ, и почему онъ богатъ, счастливъ и знатенъ, между тѣмъ какъ бѣдная Саша, которой она даетъ имя матери, не что̀ иное какъ горничная дѣвушка, всегда печальна и молчалива, ходитъ въ затрапезныхъ платьяхъ, и все ея имущество укладывается въ маленькомъ сундучкѣ, что̀ стоитъ подъ лѣстницей въ коррпдорѣ.

Послѣ обряда похоронъ княгини, на которыя съѣхалось все семейство, Анна Борисовна, собираясь домой, вспомнила о дѣвочкѣ, приголубленной ея свекровью, и узнавъ, что Аненька попала не въ добрыя руки, попросила у князя позволенія взять ее съ собой, говоря, что Настасья Ѳедоровна желала ее видѣть въ услуженіи у старшей изъ своихъ внучекъ. Фаворитка, завладѣвшая ребенкомъ, какъ своею собственностью, начала уже надоѣдать князю, такъ что онъ охотно согласился на просьбу невѣстки. Княгиня замѣтила также и Машу, и желая спасти ее отъ безнравственнаго вліянія окружающей ее среды, предложила Александру Сергѣевичу взять ее также на свое попеченіе. По готовности, съ которою онъ далъ свое согласіе, надо полагать, что онъ понялъ и оцѣнилъ причины, руководившія молодою женщиной; обѣимъ дѣвочкамъ приказано было собираться въ дорогу.

Съ этой минуты опредѣлилась окончательно ихъ судьба. Маша, которую стали звать съ тѣхъ поръ Марьей Дмитріевной, сдѣлалась членомъ семейства Анны Борисовны, а Аненька поступила въ дѣтскую, гдѣ выросла съ маленькими княжнами, и привязалась къ нимъ съ тою искренностью и тѣмъ святымъ самоотверженіемъ, которое составило въ послѣдствіи главный источникъ радостныхъ и черныхъ ея дней.

Князь продолжалъ вести свой прежній образъ жизни, но прошли годы, и старикъ, утомленный разгуломъ, страдавшій

все чаще и чаще припадками болѣзни, которая свела его въ могилу, подумалъ, наконецъ, о смерти и оглянулся съ ужасомъ назадъ. Все было пусто около него. Старшій изъ его сыновей служилъ въ Петербургѣ, другіе жили отдѣльно съ своими семействами и могли лишь изрѣдка его навѣщать. Ему стало страшно въ уединеніи, гдѣ его начали безпощадно преслѣдовать его грѣшныя воспоминанія, и онъ рѣшился выписать къ себѣ Марью Дмитріевну.

Молодая дѣвушка, которой было тогда около двадцати лѣтъ, поспѣшила явиться на его зовъ, и была поражена новымъ видомъ, который приняло въ ея отсутствіе Покровское. Театръ былъ уничтоженъ, гаремъ распущенъ, товарищи буйныхъ удовольствій князя не показывались уже къ нему, большія залы были заперты, и маленькую комнатку, въ отдаленномъ углу дома, убрали какъ настоящую келью. Въ ней стояли кровать, нѣсколько стульевъ, столъ съ духовными книгами, и шкапъ съ образами. Тамъ угасалъ старый грѣшникъ.

Мысль объ отчетѣ, который ему придется скоро отдать передъ неумытнымъ Судьей, мучила его неотвязно. Цѣлый день онъ толковалъ о своей преступной жизни и лепеталъ молитвы, а ночью ему грезились страшныя видѣнія. Сколько разъ онъ поднимался съ постели блѣдный и встревоженный, и прерывающимся отъ страха голосомъ требовалъ священника. Бесѣда съ нимъ и молебенъ, который онъ слушалъ на колѣнахъ, заливаясь слезами, успокоивали его, но не надолго. Марья Дмитріевна не оставляла его ни на минуту, и старалась своимъ вниманіемъ, ласками, молитвами усладить его послѣдніе дни. Онъ каялся передъ ней, умолялъ ее жить честно, не забывать Бога, и молиться за грѣшную душу отца. Въ одну ночь, не задолго передъ смертью, ему было особенно тяжело; онъ позвалъ дочь, благословилъ ее образомъ, и повторилъ свои моленія. Бѣдная дѣвушка обѣщала, обнимая его съ плачемъ, что исполнитъ его завѣщаніе, и сохранила свято обѣтъ, который возложила на себя. Вся ея жизнь отличалась милосердіемъ и теплою вѣрой, и не было дня, чтобъ она не произносила имени отца, стоя на колѣнахъ передъ образомъ, который приняла изъ его рукъ.

А Анненька, обласканная княгиней и ея дѣтьми, росла и хорошѣла, и жила, по собственному выраженію, какъ у Христа за пазухой, да не въ прокъ пошла ей красота. Князь Вадимъ Александровичъ очень любовался молодою дѣвушкой,

и, несмотря на свою привязанность къ женѣ, несмотря на обѣщанія, данныя не разъ и ей, и самому себѣ, уступилъ опять искушенію. Аннинька была еще очень молода, понимала лишь смутно, какими опасностями угрожаетъ ей ласковое вниманіе барина, но избѣгала его инстинктивно. Ея уклончивость все болѣе и болѣе раздражала князя; въ продолженіи двухъ лѣтъ онъ преслѣдовалъ ее неотступно, и наконецъ добился своего. Аннинька впала въ глубокое отчаяніе, когда поняла, что погибла и что нѣтъ возможности скрыть послѣдствій своей вины. Чувство стыда, и мысль, что она оскорбила Анну Борисовну, которую любила какъ мать, измучили бѣдную дѣвушку. Добрая княгиня поняла страшную борьбу, черезъ которую прошла Аннинька, поняла тайный смыслъ ея блѣдности и смущенія, и не задумалась подать ей руку помощи. Объясняться съ ней Анна Борисовна не могла, не оскорбляя съ обѣихъ сторонъ слишкомъ деликатныхъ чувствъ, но сдѣлала все, что̀ зависѣло отъ нея, чтобъ успокоить больное сердце. Надо было прежде всего дать молодой дѣвушкѣ ловкій предлогъ удалиться на время изъ дома. Обдумавъ свой планъ, княгиня приказала позвать ее къ себѣ. Аннинька, давно ожидавшая объясненія, отъ котораго у нея заранѣе стыла кровь въ жилахъ, вошла и остановилась, блѣдная, у дверей.

— Мнѣ пришло теперь въ голову, сказала ей Анна Борисовна, — что ты ужь Богъ знаетъ сколько не видалась съ своими. Они вѣрно по тебѣ стосковались. Благо теперь оказія въ Покровское, съѣздила бы ты къ нимъ, да и погостила бы сколько вздумается.

Аннинька хотѣла что-то отвѣчать, но слова замерли у нея на губахъ. Она зарыдала и бросилась въ ноги княгинѣ.

— Да что̀ жь ты, глупенькая, плачешь, сказала Анна Борисовна, подымая ее,—вѣдь мы не на вѣкъ разстаемся. Погостишь у своихъ мѣсяцъ что ль или два, — да и милости просимъ назадъ.

Молодая дѣвушка возвратилась въ свою коморку, шатаясь, и какъ будто въ чаду; но чувствовала однако, что ей дышать свободнѣе. На другой же день она уѣхала въ Покровское. Первый крикъ ея сына пробудилъ въ ней материнское чувство, подавленное до этой минуты горемъ. Во время своего пребыванія у отца, она не уступала никому

права ходить за малюткой, горько плакала прощаясь съ нимъ, и поверила его, уезжая, попеченію своего семейства.

По мере того какъ она приближалась къ Москве, безпокойныя мысли все более и более ее тревожили. Ей было совестно показаться домашнимъ и въ особенности княгине, и къ тому же ей пришло въ голову, что можетъ-быть Анна Борисовна пощадила ее по вниманіи къ ея болезненному положенію, но теперь объявитъ ей прямо, что не можетъ держать ее при своихъ дочеряхъ. Что станется съ ней тогда? Какъ она простится съ этимъ домомъ, где каждый уголокъ сталъ ей дорогъ и милъ? Тревожное расположеніе ея духа усиливалось съ каждою минутой. Но вотъ наконецъ замелькала передъ ея глазами пестрота московскихъ улицъ, вотъ заблестелъ золотой крестъ приходской церкви; Аннелька въезжаетъ на знакомый дворъ, и сердце замерло въ ея груди. Ее встречаетъ у окна розовое личико ея любимицы, самой молодой изъ княженъ, и девочка, увидя ее, выбегаетъ съ радостными восклицаніями на крыльцо. Но шедшая за ней гувернантка беретъ ее быстро за руку и силою увлекаетъ въ домъ.

Это движеніе объяснялось очень просто опасеніемъ, чтобы ребенокъ, легко одетый, не простудился на свежемъ весеннемъ воздухе, но Аннелька придала ему совершенно другой смыслъ: не даромъ же говорится, что у страха глаза велики. Она подъехала къ заднему крыльцу, вышла изъ повозки и съ трудомъ взобралась на лестницу. Ноги ея дрожали, и глаза были отуманены слезами.

— Ужь я и не помню, какъ я вошла въ девичью, говорила она, разказывая мне свою грустную повесть.—Мне казалось, что и люди, и Господь Богъ, все отъ меня отступились.

Она вошла въ девичью и села подгорюнившись на сундукъ; мысли бродили безъ связи въ ея голове, когда знакомый голосъ привелъ ее въ себя. Она вздрогнула и поднялась съ места. Въ двухъ шагахъ отъ нея стояла княгиня; видя, что Аннелька не сметъ поднять на нее глазъ, она подошла къ ней сама и поздоровалась такъ ласково, что бедняжка немного ободрилась, но все еще не смела верить, что она останется въ доме и не утратила расположенія Анны Борисовны, — и вздохнула совершенно свободно лишь когда княжны, увидавъ ее, бросились къ ней на шею. Съ этой минуты все вошло для нея въ обычный порядокъ.

Семейство часто проводило лето въ Покровскомъ, и Ан-

нелька ждала всегда минуты отъѣзда съ неописанною радостью. Она мечтала заранѣе о счастіи взглянуть на своего Петрушу, посмотрѣть великъ ли онъ сталъ, похорошѣлъ ли и узнаетъ ли ее. Когда онъ подросъ, князь отдалъ его къ приходскому священнику, взявшемуся выучить его грамотѣ. Но мальчикъ, котораго попадья заставляла помогать ей въ хозяйственныхъ хлопотахъ, тосковалъ среди чужаго семейства, гдѣ его хотя и не притѣсняли, но гдѣ онъ не видалъ ласки и не слыхалъ привѣтливаго слова. Почти цѣлый день сидѣлъ онъ за указкой или прислуживалъ хозяйкѣ, и лишь изрѣдка могъ найдти минуту, чтобы побѣгать съ ребятишками, или заглянуть въ избу дѣда, который сталъ угрюмъ съ годами, и частенько его журилъ. Но когда въ жаркіе весенніе дни подымались на деревнѣ и во дворнѣ толки о пріѣздѣ господъ, когда выносили изъ покоевъ и выколачивали на дворѣ мебель и ковры, промывали окна и чистили да убирали опустѣлый барскій домъ,—въ головѣ ребенка начинали роиться самыя свѣтлыя мечты. Онъ то и дѣло смотрѣлъ на большую дорогу съ надеждой увидать, среди пыльнаго облака, катящіеся одинъ за другимъ экипажи, съ многочисленными путешественниками, изъ которыхъ всѣ были ему чужды,—всѣ, за исключеніемъ одного только лица. Онъ зналъ сколько Аннелька привезетъ ему нѣжныхъ словъ и поцѣлуевъ, и кромѣ того разчитывалъ на новую рубашку и на московскій калачъ. Священникъ, боясь выговора со стороны князя, не мѣшалъ никогда Петрушѣ идти къ матери, но она сама, краснѣя при мысли, что его могутъ увидать княгиня или которая-нибудь изъ княженъ, запрещала ему являться къ ней прежде сумерекъ; но и тутъ онъ не смѣлъ никогда показываться въ дѣвичью, а ждалъ около гумна, чтобъ Аннелька къ нему вышла. Онъ понималъ, что его рожденіе покрыто непроницаемою для него тайной, что его отъ кого-то прячутъ. Но лѣтніе дни такъ длинны, и сумерки наступаютъ такъ поздно! Терпѣніе мальчика истощалось въ долгомъ ожиданіи, и онъ кончалъ тѣмъ, что, предупреждая назначенный часъ, являлся еще засвѣтло на гумно. Тутъ ему становилось еще скучнѣе ждать напрасно мать, и онъ прокрадывался робкимъ шагомъ дальше, и начиналъ бродить около двора съ надеждой, что она его увидитъ изъ оконъ и выйдетъ къ нему. Аннелька не разъ бранила его за такія дерзкія выходки, но не могла убѣдить его отъ нихъ отка-

заться. „Да вѣдь скучно, мама", отвѣчалъ онъ на всѣ ея увѣщанія, и на другой же день показывался опять у самой усадьбы, когда солнце стояло еще высоко, и Аннинька, увидя его издали, мѣнялась въ лицѣ отъ страха.

Наконецъ она рѣшилась проучить его хорошенько, чтобъ отбить у него охоту приходить къ ней такъ рано. Не безъ горя и не безъ трудной борьбы помирилась она съ необходимостью прибѣгнуть къ крутой мѣрѣ, — но дѣлать было нечего. Она запаслась розгой, и увидя Петрушу изъ окна, выбѣжала къ нему. Сердце ея облилось кровью, когда онъ бросился къ ней съ сіяющимъ отъ радости лицомъ. Однако она употребила всѣ свои усилія, чтобы подавить свои чувства, и не обнаружить слабости.

— Ты опять прибѣжалъ ни свѣтъ, ни заря, да еще бродишь около самаго дома, сказала она, стараясь придать строгое выраженіе своему голосу.

Петруша, не ожидавшій такой грозы, сильно струсилъ и робко взглянулъ на нее.

— Вотъ я тебѣ дамъ! продолжала Аннинька, увлекая его за собой:—другой разъ будешь меня слушаться!

Она привела его на гумно и высѣкла, потомъ бросила розгу, обняла его дрожащими руками и громко зарыдала, между тѣмъ какъ испуганный мальчикъ тихо плакалъ, припавъ къ ней на плечо.

— Ну полно, полно, не плачь, мой родимый, говорила она всхлипывая, и цѣлуя его,—вѣдь надо слушаться, когда я тебѣ что говорю. Развѣ ты думаешь мнѣ самой-то легко!

И до сихъ поръ еще слезы навертываются у нея на глазахъ, когда она вспоминаетъ объ этой сценѣ.

Потомъ Петрушу отдали въ уѣздный городъ къ мастеровому, и онъ сталъ прилежно работать; но, къ несчастію, умный и добрый мальчикъ былъ робокъ и слабъ характеромъ. Въ восемнадцать лѣтъ, увлеченный дурными товарищами, онъ предался разгульной жизни и потому вынужденъ былъ продаться въ солдаты. Князя въ то время не было уже въ живыхъ. Въ первые годы своей службы Петруша писалъ къ матери; но вдругъ письма прекратились. Долго хлопотала мать, справляясь о сынѣ. Наконецъ пришла печальная вѣсть: Петруша былъ убитъ на Кавказѣ.

Князя Вадима Александровича я не знала, но помню княгиню въ кругу многочисленнаго семейства. Ее постоянно окру-

жали дочери, зятья, внучата и родственники, среди которыхъ она пользовалась особеннымъ почетомъ. Вліяніе ея на ея домашнихъ и близкихъ было неотразимо. Говорили обыкновенно, что весь домъ ею держится, и достаточно было провести два часа среди ея семейнаго круга, чтобъ убѣдиться въ этой истинѣ. Она любила молодежь, и около нея кипѣла жизнь. Домъ ея былъ полонъ съ утра до ночи, и хозяйка умѣла найдти для каждаго занятіе приличное его возрасту и характеру. Любители виста и охотники до бесѣдъ одинаково находили въ ея гостиной чѣмъ удовлетворить свои наклонности, между тѣмъ какъ въ сосѣдней залѣ, около неумолкающихъ клавикордъ, раздавались смѣхъ и говоръ молодыхъ людей, а въ отдаленной комнатѣ дѣти, подъ надзоромъ посѣдѣвшей Анненьки, играли въ лошадки или въ кошку и мышку.

У Анны Борисовны не было свѣтскихъ знакомыхъ, и многочисленный кругъ ея знакомства состоялъ исключительно изъ людей близкихъ и короткихъ. Всякій ѣхавшій къ ней зналъ, что онъ очутился среди своихъ, что ему будетъ хорошо и уютно. Сама даже прислуга встрѣчала посѣтителя съ привѣтливою и радушною улыбкой, которая доказывала ему, что онъ здѣсь не чужой. Я помню, между прочимъ, типическое лицо старика, сидѣвшаго обыкновенно въ передней, съ важнымъ видомъ и въ длинномъ сѣромъ сюртукѣ. Астафій, когда говорилъ, наклонялъ всегда голову на сторону и забрасывалъ руки назадъ; выражался онъ самыми отборными словами. Онъ носилъ еще на рукахъ одного изъ зятей княгини, который ввелъ его въ домъ, и старикъ привязался къ новому семейству своего барина, какъ къ *кореннымъ своимъ господамъ*, по его же выраженію. Онъ былъ врагъ всякаго нововведенія и остался до конца жизни упорнымъ почитателемъ старины. Княгиня замѣтила ему разъ, что пыль не стерта.

— Все по нерадѣнію и необузданности мальчишки-съ, отвѣчалъ онъ.—Я уже давно хотѣлъ доложить вашему сіятельству, что ему надо субботы положить.

— Какъ такъ?

— Безпремѣнно нужно-съ. Насъ при покойникѣ баринѣ, царство ему небесное, состояло десять мальчишекъ, и не этой дряни были мы чета. А оттого въ насъ былъ прокъ, что страхъ мы знали, и субботы были намъ положены.

— Да что̀ такое значитъ, что вамъ были субботы положены?

— Насъ каждую субботу сѣкали-съ.

— Какъ! безъ всякой вины?

— Да вѣдь иной, ваше сiятельство, и точно виноватъ-съ.

— А который не виноватъ, того за что же?

— А того, чтобы казнился-съ.

Астафiй въ своей жизни прошелъ чрезъ суровую школу. Слѣдующiй разказъ можетъ дать понятiе о томъ, какъ обращался бывшiй его баринъ Петръ Александровичъ Р.....въ съ несчастными, надъ которыми онъ признавалъ за собою какiя-нибудь права.

Все его семейство и домашнiе, кромѣ сына, который воспитывался не дома, привыкнувъ повиноваться безусловно дикимъ его капризамъ и необузданнымъ фантазiямъ, дошли наконецъ до убѣжденiя, что они его собственность, и что жертвуя ему всею своею жизнiю, они исполняютъ священный долгъ. Онъ жилъ постоянно въ деревнѣ съ женою и дочерью. Его жена, добрѣйшее существо, забитая и запуганная, не имѣла влiянiя въ домѣ даже на столько, чтобы передвинуть стулъ съ одного мѣста на другое. Дочери своей Ольгѣ онъ не позволялъ никогда выразить какого-либо чувства или мысли, кромѣ тѣхъ, которыя приходились ему по душѣ, т.-е. могли служить къ его комфорту. Когда ей минуло шестнадцать лѣтъ, за нее посватался князь С., одинъ изъ ихъ сосѣдей. Онъ ей сильно нравился, но Петръ Александровичъ объявилъ ему прямо, что не намѣренъ отдать дочери замужъ, потому что она играетъ съ нимъ въ шахматы, и что некому будетъ ее замѣнить, если она удалится изъ дома. Князь, понимая, что молодая дѣвушка къ нему неравнодушна, продолжалъ однако ѣздить въ домъ, съ надеждой, что переспоритъ упрямаго старика. Черезъ годъ онъ возобновилъ свое предложенiе и получилъ тотъ же отвѣтъ.

— Помилуйте, спросилъ онъ, — неужели она должна пожертвовать всею своею жизнiю вашему пристрастiю къ шахматной игрѣ; и наконецъ, неужели вы не найдете, кромѣ ея, человѣка, который умѣлъ бы играть въ шахматы?

— Какъ не найдти, отвѣчалъ Петръ Александровичъ. — да отъ добра добра не ищутъ, и стѣсняться мнѣ не изъ чего. Вѣдь она *моя*.

Еще новая попытка оказалась точно также безуспѣшна, а между тѣмъ наклонность молодыхъ людей росла съ каждымъ днемъ и съ каждою погибающею надеждой. Ольга утратила

съ раннихъ лѣтъ подъ отцовскимъ гнетомъ всякую волю и самостоятельность, но сильное чувство заставило бы ее, можетъ-быть, рѣшиться на энергическую мѣру, еслибъ она не знала, что за нее будетъ отвѣчать мать. Долго не отступалъ князь; наконецъ понялъ, что необходимо положить конецъ безплодной борьбѣ и рѣшился ѣхать на Кавказъ. Наканунѣ дня, назначеннаго для отъѣзда, онъ явился къ Петру Александровичу съ тѣмъ, чтобъ еще разъ попытать счастія.

— Я жду вашего послѣдняго слова, сказалъ онъ въ заключеніе своей просьбы;—если получу опять отказъ, то больше уже не буду васъ тревожить. Завтра, чѣмъ-свѣтъ, я уѣду на Кавказъ.

Старикъ подошелъ къ нему.

— Ты ждешь моего послѣдняго слова, сказалъ онъ,—такъ выслушай же его. Былъ одинъ только человѣкъ на свѣтѣ, которому я повиновался,—это мой отецъ. Знай, что еслибъ онъ самъ всталъ изъ могилы и приказалъ бы мнѣ отдать за тебя мою дочь, я и тутъ сказалъ бы: нѣтъ. Вотъ тебѣ мое послѣднее слово.

Дрожь пробѣжала по членамъ молодаго человѣка; ему приходилось разстаться окончательно со всѣми своими мечтами и надеждами. Онъ всталъ молча и вышелъ нетвердыми шагами изъ кабинета старика.

Въ сосѣдней комнатѣ стояла Ольга. Она слышала весь разговоръ, и протянула князю холодную руку: они простились на вѣкъ.

Послѣ обѣда молодая дѣвушка играла, по обыкновенію, въ шахматы съ отцомъ. Вечеромъ, она не посмѣла отказаться отъ ужина, и лишь въ обычный часъ пришла въ свою спальню. Тогда, оставшись наединѣ, она дала полную волю своему отчаянію. Первые пѣтухи уже звонко пропѣли, а она все еще не ложилась, и ея слезы продолжали катиться градомъ.

Но вдругъ поднялась суматоха въ домѣ; по коррилору стали мелькать огни, и раздался говоръ и звукъ шаговъ. Ольга отворила дверь и спросила, что случилось. „Петръ Александровичъ изволятъ васъ спрашивать", отвѣчалъ ей кто-то въ торопяхъ. Она пошла въ комнату отца.

Старикъ, блѣдный и дрожащій всѣмъ тѣломъ, сидѣлъ на своей кровати. Жена стояла около него, готовая исполнять его приказанія, и стараясь успокоить его робкими и несвязными словами. Вслѣдъ за Ольгой вошелъ въ комнату доѣз-

жачій и остановился у дверей. Петръ Александровичъ обратился къ нему:

— Возьми лошадь, сказалъ онъ, — и поѣзжай скорѣй къ князю С.....; онъ хотѣлъ выѣхать на разсвѣтѣ; ты его еще застанешь, а коли уѣхалъ—скачи за нимъ; догони его, во что бы то ни стало, и скажи, что я его жду къ себѣ. Живѣй!

Ольга переглянулась съ матерью, но ни та, ни другая не рѣшились обратиться съ вопросомъ къ Петру Александровичу. Что касается до него, то казалось, что волненіе, овладѣвшее имъ, постепенно возрастало. Онъ метался безпокойно по постели, спрашивалъ то и дѣло не начинаетъ ли разсвѣтать, и посылалъ за княземъ гонца за гонцомъ. Сердце Ольги билось въ груди, какъ птичка въ клѣткѣ.

Такъ прошли три безконечные часа. Наконецъ быстрые шаги раздались за дверью, и князь, въ дорожномъ платьѣ, показался на порогѣ. Старикъ взглянулъ на него испуганными глазами.

— Бери дочь, промолвилъ онъ глухимъ голосомъ,—я ее отдаю за тебя.

Онъ никогда не объяснилъ, что привело его къ этому крутому перевороту. Но домашніе, сближая слова, сказанныя имъ по утру князю, съ его тревогой и быстрою перемѣной его рѣшенія, полагаютъ, что его напугалъ отецъ, явившійся ему во снѣ.

Возвратимся въ домъ княгини Анны Борисовны. Но не лучше ли, однако, остановиться на этомъ свѣтломъ воспоминаніи объ ея жизни? Если мы заглянемъ дальше, картина внезапно измѣнится въ нашихъ глазахъ. Не пощадила смерть ни старческой сѣдины волосъ, ни черноволосаго возмужалаго чела, ни кудрявой дѣтской головки, и раззорилось семейное гнѣздо. Потомки грозной Мавры Ивановны разсѣяны теперь по разнымъ угламъ Россіи, но связь между ихъ семействомъ и нашимъ, начатая еще нашими дѣдами и переданная намъ въ наслѣдство, осталась въ полной силѣ. Неизвѣстно, соберемся ли мы когда-нибудь, какъ въ былое время, въ гостепріимный, но опустѣвшій теперь домъ, чтобы вспомнить о былыхъ радостяхъ и подѣлиться настоящимъ горемъ; но мы твердо знаемъ, что какое бы ни легло между нами разстояніе, что бы ни сулила судьба намъ впереди, мы всегда откликнемся другъ другу.

II. Двѣ сестры.

Часто вспоминаю я о милой и доброй старушкѣ, которая считалась дальнею родственницей моей бабушки, и пріѣзжала иногда зимой изъ деревни чтобъ погостить у насъ. Не побаловала ее жизнь; она говорила иногда, что не видала ни одного безоблачнаго дня, но горе не ожесточило ее, и она умерла съ какою-то свѣтлою, съ какою-то дѣтскою вѣрой и въ людей, и въ милосердіе Божіе. Александра Калинишна была красавицей въ своей молодости, и до послѣдней минуты ея жизни характеръ ея отцвѣтшей красоты еще сіялъ сквозь ея морщины. Я никогда не видала столько миловидности въ чертахъ семидесятилѣтней старушки. Какъ къ ней шли ея сѣдые волосы, и какую прелесть придавали они ребяческому добродушію ея физіономіи! Молодая дѣвушка могла позавидовать выраженію ея улыбки и ея большимъ голубымъ глазамъ, смотрѣвшимъ такъ привѣтливо, такъ тепло, даже сквозь слезы.

Родство между ею и нами одна только моя бабушка умѣла объяснить; но Александра Калинишна называла ее тетушкой и цѣловала ея руку, а теткамъ говорила *ты*, и звала ихъ по именамъ, тогда какъ онѣ къ имени ея прибавляли отчество, и говорили ей *вы*. Съ тетушкой Вѣрою Васильевной она была очень дружна; онѣ сблизились еще въ молодости, хотя въ ихъ характерахъ было мало общаго. Мягкость и самыя незлобивыя свойства преобладали въ Александрѣ Калинишкѣ. Она была очень нетерпѣлива и очень вспыльчива, но сердиться серіозно, какъ Вѣра Васильевна, она рѣшительно не умѣла, и какъ бывало ни напрягаетъ свои силы, ей не удается исторгнуть грозной ноты изъ своей груди или придать суровость своему взгляду. За неимѣніемъ этихъ орудій, она придумывала самыя жесткія выраженія, чтобъ уничтожить человѣка, раздражившаго ее и часто смѣшила безсиліемъ своего ребяческаго гнѣва. Когда Вѣра Васильевна была не въ духѣ, Александра Калинишна обыкновенно являлась къ ней съ выговоромъ.

— Опомнись Вѣра, говорила она,—что съ тобой? Ты просто на всѣхъ бросаешься.

— Зачѣмъ же вы ко мнѣ пришли? отвѣтитъ сердито Вѣра Васильевна.

— Не безпокойся, я и такъ сейчасъ уйду.

— Какъ хотите.

— Злись же одна.

И она рѣшительнымъ шагомъ выходила изъ комнаты, но останавливалась за дверью.

— Вѣра, говорила она, возвышая голосъ,—я ушла.

— Вижу, что ушли.

— Экое зѣлье какое! замѣчала въ полголоса старушка, и послѣ подобныхъ сценъ приходила, обыкновенно, въ нашъ флигель, и начинала горевать о несчастномъ характерѣ моей тетки.

— А вѣдь грѣхъ ее обвинять, дѣти, говорила она въ заключеніе,— какъ вспомнить, сколько она, бѣдная, страдала въ жизни. И я же, негодная, все на нее ворчу. Постой, пойду съ ней помириться, прибавляла она обыкновенно, накидывая на голову шаль, чтобы пройдти черезъ холодныя сѣни, и нечего говорить, что на этотъ разъ Вѣра Васильевна встрѣчала ее съ улыбкой и винилась передъ ней.

Она приняла свою долю немногихъ радостныхъ событій и всѣхъ черныхъ дней, посланныхъ нашему семейству. При каждомъ новомъ ударѣ судьбы, она являлась къ моей бабушкѣ, а въ старину живала у нея по цѣлому году, а иногда и больше. Первую холеру она встрѣтила также у насъ, не могла вспомнить хладнокровно объ этомъ времени, и разсказывая намъ о поразительныхъ сценахъ, которыхъ была свидѣтельницею, прибавляла, что бѣдствіе двѣнадцатаго года не наводило такого унынія. Москва одѣлась въ трауръ. На улицахъ, усѣянныхъ можжевельникомъ, появлялись то и дѣло факелы, да священники въ черныхъ ризахъ, и съ ранняго утра гудѣли заунывные колокола. Старики заговорили о чумѣ и о страшныхъ сценахъ, которыхъ они были свидѣтелями въ своемъ дѣтствѣ, крестные ходы начались по всей столицѣ. Ѣздили по городу длинныя фуры, останавливаясь у каждаго бѣднаго дома и собирая больныхъ. Всѣ ворота были на запорѣ, и на каждомъ дворѣ тлѣлась куча навоза, у которой окуривали приходящихъ. У больницъ стояли цѣлый день плачущія толпы, ожидавшія извѣстія о своихъ, но чтобы не усилить унынія въ народѣ, который уже и такъ волновался и громко толковалъ объ отравахъ, двери

больницъ отворялись для мертвыхъ только около ночи. Заколачивали наскоро гроба, клали ихъ рядами въ фуры и вывозили на кладбища. Но эти предосторожности не долго обманывали жителей столицы, которые привыкли слышать около полуночи стукъ роковой колесницы и гробовъ, ударяющихся одинъ о другой. Убѣжденіе, что вода была тогда отравлена и что отравляли въ больницахъ, до сихъ поръ сохранилось въ народѣ. Меня старалась, еще на дняхъ, увѣрить въ этомъ добрая старушка, Агафья Ивановна, бывшая крѣпостная Б—хъ. Въ началѣ сентября 1830 года, все семейство ея господъ уѣхало въ деревню, куда и она должна была отправиться съ остальною прислугой, но вдругъ появилась холера, и заперли Москву.

— То-то набрались мы страха! расказывала мнѣ Агафья Ивановна. — Знали въ полиціи, что господа уѣхали, и являлись къ намъ каждое утро справляться, нѣтъ ли больныхъ, а у насъ и занемоги, на ту бѣду, дѣвочка лѣтъ пятнадцати: разболѣлась голова и поднялась рвота. „Матушка Агаѳья Ивановна, говоритъ она мнѣ, ужь меня не выдавайте, не сказывайте обо мнѣ, какъ завтра придутъ эти проклятые полицейскіе. Коли они меня возьмутъ да отвезутъ въ больницу, такъ ужь мнѣ оттуда живой не выйдти,“ а сама плачетъ и вся дрожитъ. Всю ночь я съ ней провозилась, все горчичники ей привязывала, да горячимъ поила, а вижу, что легче нѣтъ. Какъ поутру-то ворота заскрипѣли, да явились эти вороны окаянные, я ее поскорѣй сунула къ себѣ подъ пуховикъ, такъ, чтобы только дышать могла. Видите, говорю, всѣ у насъ слава Богу, а еще у насъ дѣвочка, такъ со двора ушла. Какъ мы проводили ихъ, да сняла я съ нея пуховикъ, гляжу, моя дѣвка лежитъ ни жива, ни мертва, и вся похолодѣла. Ну, думаю, дѣло плохо, чѣмъ бы ей пособить? да и пошла на верхъ лампадку поправлять. А надо вамъ, матушка, сказать, что за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, была у насъ барыня очень больна, и подымали мы образъ Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ. Барыня получила отъ него исцѣленіе, приказала его списать, и обѣщалась, что вѣчная лампада будетъ теплиться передъ заступницей. Какъ справила я свое дѣло, положила поклонъ, да и думаю: Пресвятая Богородица, вразуми ты меня, чѣмъ мнѣ помочь болящей Твоей рабѣ. Помолилась я, и пошла внизъ, да вдругъ и приди мнѣ въ голову, напоить ее бузиной. Вижу, съ первой чашки началъ потъ

показываться, а ей другую, и третью, да одѣла ее потеплѣе, она у меня и заснула; съ тѣхъ поръ все лучше и лучше, и скорехонько встала. Такъ вотъ отъ какой бездѣлицы она оправилась, а въ больницахъ-то люди какъ мухи валились. Все говорятъ, что не знали доктора чѣмъ лѣчить,—такъ что жь они бузиной-то не попробовали? И добро бы что другое, а то, ужь чего кажется, бузина! такая вещь, что мы ее и не покупывали, а всё, бывало, дома сушимъ. Вотъ, и выходитъ, что они просто-на-просто народъ православный отравляли.

Зная коротко непреклонную логику русскаго человѣка, я не пыталась вступить въ споръ, а только спросила:

— Да кто же отравлялъ, Агафья Ивановна? Кому могла быть нужна смерть столькихъ людей?

— Ужь стало-быть, кому-нибудь да была нужна, отвѣчала она съ чувствомъ глубокаго убѣжденія.

Рано познакомилась Александра Калинишна съ горемъ и лишеніями. Бывши еще шестилѣтнею дѣвочкой, она уже плакала отъ страшныхъ сценъ, происходившихъ въ ея присутствіи между отцомъ и матерью. Свою мать, женщину замѣчательно умную и даровитую, обожала, но тупоумнаго и невѣжественнаго отца любить не могла, и непріязненное къ нему чувство, которое она была не въ силахъ одолѣть, мучило ее день и ночь. Почти всю свою молодость она провела въ деревнѣ. Семейство ея жило бѣдно: домашнихъ доходовъ едва доставало чтобы свести какъ-нибудь концы съ концами. Молодыя дѣвушки славились во всемъ околоткѣ своею красотой, но эта красота увядала въ сельской глуши, и одни только провинціальные франты любовались ей. Недостатокъ средствъ не позволялъ даже семейству расширить тѣсный кругъ знакомства въ сосѣдствѣ. Только по воскресеньямъ наши красавицы, въ своихъ праздничныхъ платьяхъ, поѣдутъ, бывало, къ обѣднѣ въ дѣдовской колымагѣ, а оттуда отправятся и въ гости. А заглянетъ къ нимъ сосѣдъ, такъ и рады бы оставить его обѣдать, но семейный обѣдъ былъ такъ скуденъ, что становилось совѣстно.

Когда Александрѣ Калинишкѣ минуло восемнадцать лѣтъ, мать опредѣлила ей на туалетъ двадцать пять рублей въ годъ, и она принялась плести кружево на продажу, чтобъ имѣть возможность одѣваться хоть сколько-нибудь прилично.

Разъ, въ ту минуту какъ она сидѣла за работой, пріѣхалъ къ нимъ молодой человѣкъ, недавно съ ними познакомившійся. Она не успѣла уйдти при звукѣ его шаговъ въ другой комнатѣ, и сгорѣла со стыда когда онъ показался въ дверяхъ. Ея голубое платье было покрыто бѣлыми заплатками на груди и на бокахъ. Но къ счастію, огромная подушка, на которой она плела кружево, лежала у нея на колѣнахъ и скрывала грустныя тайны ея туалета, и Александра Калинишна просидѣла на своемъ мѣстѣ въ продолженіе трехъ часоваго визита молодаго сосѣда. Ее выучили читать и писать по-русски, съ грѣхомъ пополамъ, и тѣмъ ограничилось ея воспитаніе. Ей удалось впрочемъ пополнить свое образованіе чтеніемъ, благодаря тому обстоятельству, что у одного изъ сосѣдей была большая библіотека, Просидѣвъ день за работой, молодая дѣвушка проводила ночи за книгой.

Замужъ она не вышла; страстная привязанность къ своему семейству наполнила ея жизнь. За каждаго изъ своихъ она плакала и страдала, но ни за котораго изъ нихъ не пришлось ей порадоваться. Какой-то неумолимый рокъ преслѣдовалъ ихъ всѣхъ, между тѣмъ какъ жестокія болѣзни и бѣдность прибавляли новую горечь къ разбитой жизни старушки. Но слезы смягчали ея сердце и располагали ее все болѣе и болѣе къ милосердію и состраданію. Она забывала постоянно для другихъ о своихъ собственныхъ интересахъ, и не было горя, въ которомъ она не принимала бы самаго искренняго, самаго горячаго участія. Тетушка Надежда Васильевна прозвала ее *непрерываемымъ воплемъ*, и спрашивала ее иногда, видя что она разстроена: „Кого вы сегодня собрались оплакивать?“

Но ничто не сокрушило живости ея характера. Она приходила обыкновенно поутру къ намъ во флигель потолковать и поспорить съ нами, и случалось не разъ, что ляжетъ она, бывало, отдохнуть послѣ обѣда, да вдругъ и вспомнитъ объ утреннемъ разговорѣ, и ей придетъ въ голову какой-нибудь новый доводъ, которымъ она могла бы поддержать свою мысль. Въ ту же минуту Александра Калинишна встанетъ, надѣнетъ задомъ на передъ только что скинутый чепецъ и явится къ намъ, волоча за собой по полу конецъ шали, наброшенной наскоро на плечи.

— Я на минутку пришла, говорила она, спать хочу, а

только не вытерпѣла, потому что забыла, давеча, вотъ что̀ сказать....

И она втягивалась опять въ разговоръ, и вмѣсто минутки, просиживала съ нами, пока Устинья не являлась съ докладомъ, что уже подали самоваръ.

— Какъ самоваръ? спрашивала она съ удивленіемъ, а я еще и не ложилась. Ну, дѣти, съ вами не отдохнешь; да и я, точно съ ума сошла, на старости лѣтъ, что прибѣжала сюда ни съ того, ни съ сего. Даже самой совѣстно: пора бы, кажется, угомониться.

Я ни отъ семейства, ни отъ нея самой не слыхала, чтобъ она когда-нибудь любила; но врядъ ли молодость прошла для нея даромъ. Она даже и въ старости понимала всѣ оттѣнки чувства и притомъ не такъ какъ понимаютъ ихъ люди, ознакомившіеся съ ними изъ романовъ. Никто болѣе ея не показывалъ снисхожденія къ слабостямъ, которыя можно было извинить увлеченіемъ, никто болѣе ея не сочувствовалъ всѣмъ порывамъ молодости. Мы читали ей иногда завѣтныя страницы изъ Пушкина и Лермонтова, и надо было видѣть, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ она слушала, и что̀ именно привлекало ее и хватало за душу.

— Хороши эти книги, говорила она мнѣ разъ,—да читать ихъ опасно. И теперь всё на душѣ растевелятъ, а ужь въ твои годы и говорить нечего.

Мудрено въ молодости, отстаивая свои понятія, щадить понятія другихъ. Я заступилась за свои книги, принялась доказывать Александрѣ Калинишнѣ, что онѣ полезны и нравственны не менѣе самыхъ нравоучительныхъ книгъ, изъ которыхъ состояла ея библіотека. Я горячилась, и зашла такъ далеко, что оскорбила безпощадно всѣ убѣжденія старушки. Она раскричалась, и мы проспорили весь вечеръ, вплоть до ужина. Когда всѣ разошлись, я отправилась, простившись, по обыкновенію съ бабушкой, въ комнату Вѣры Васильевны. Туда же пришла и Александра Калинишна, чтобы совершить свою вечернюю молитву. Она была довольно крѣпка на ухо, такъ что наши разговоры ей не мѣшали. Пока мы толковали съ теткой, старушка клала усердно поклонъ за поклономъ, и вдругъ остановилась и обернулась ко мнѣ:

— Вотъ, до чего ты меня довела, сказала она,—вѣдь я тебя теперь просто ненавижу.

Но было такъ мало ненависти въ ея голосѣ и въ ея взорѣ, что я невольно улыбнулась. Она это замѣтила, подошла ко мнѣ, и глядѣла на меня молча въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ, отыскивая выраженіе, которымъ могла бы меня доканать.

— Гм! еслибъ я могла такъ удушила бы тебя! проговорила она наконецъ, и вышла изъ комнаты.

Эта неожиданная выходка была исполнена такого комизма, что Вѣра Васильевна и я разразились смѣхомъ.

— Однако, ты ее не на шутку взволновала, сказала, наконецъ моя тетка; — поди-ка къ ней, да успокой ее немножко, а то вѣдь, пожалуй, она всю ночь не заснетъ.

— Да мнѣ надо сперва самой успокоиться, отвѣчала я, боюсь засмѣяться при ней.

Но не прошло пяти минутъ, какъ дверь отворилась, и Александра Калинишна подошла ко мнѣ, волоча, по обыкновенію, конецъ шали за собой.

— Не сердись на меня, пожалуста, Катя, сказала она, обнимая меня, вѣдь я тебя оскорбила.

— Да полноте, ради Бога, Александра Калинишна, кто оскорбленъ, тотъ не смѣется.

— Ну, ужь это ты по добротѣ своей . . . а какой я тебѣ ужасъ сказала! Сама-то хороша, а еще другихъ обвиняю. Вотъ и ее все журю, когда она сердита, продолжала она, показывая на Вѣру Васильевну.

— Да сержусь-то я не по-вашему, отвѣчала смѣясь моя тетка.

— Полно, полно, матушка, вѣдь и я не голубица. Пожалуй, еще тебѣ придется у меня поучиться.

На другой день она къ чему-то вспомнила о нашей вчерашней распрѣ, если это можно назвать распрей, и между нами завязался разговоръ, вслѣдствіе котораго я ее спросила: испытала ли она къ кому-нибудь непріязненное чувство.

— Былъ человѣкъ, котораго я ненавидѣла всѣми силами души, отвѣчала она, и до сихъ поръ еще вспомнить объ немъ не могу.

Она произнесла эти слова такимъ смущеннымъ голосомъ, и лицо ея измѣнилось до такой степени, что я не рѣшилась спросить у нея, о комъ она говоритъ. Но помолчавъ немного, она начала опять сама:

— Ты верно слышала объ моей сестрѣ... объ Юліи?... можетъ тебѣ Вѣра сказывала...

И слезы потекли по ея щекамъ. Много было тяжкихъ воспоминаній въ ея жизни, но я знала, что объ этой семейной драмѣ она не могла вспомнить безъ какой-то особенно-жгучей боли, и что она никогда объ ней не говорила.

— Да, я что-то слышала смутно, отвѣчала я,—но ради Бога не вспоминайте объ этомъ: это васъ слишкомъ разстроитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, прервала она,—ужь не знаю почему, а всѣ эти дни мнѣ думается объ одномъ, и словно камень на сердцѣ лежитъ. Легче будетъ, если я выскажусь.

И вотъ что̀ она мнѣ разказала:

Одинъ изъ ея дядей, Дмитрій Никитичъ, жилъ долго въ Парижѣ въ концѣ прошлаго столѣтія. Французскимъ языкомъ онъ владѣлъ свободнѣе нежели своимъ собственнымъ, какъ и многіе изъ его современниковъ, былъ богатъ, уменъ и очень красивъ, что̀ доставило ему свободный доступъ во всѣ парижскія гостиныя, гдѣ онъ скоро пріобрѣлъ репутацію *d'homme à bonnes fortunes*. Всѣ повторяли его остроты, а напудренныя маркизы имъ бредили. Онъ сблизился со многими замѣчательными личностями того времени, былъ принятъ какъ свой въ кружкѣ энциклопедистовъ, и не замедлилъ сдѣлаться поклонникомъ ихъ теорій, потому что своихъ собственныхъ убѣжденій у него никогда не было, и въ особенности потому что извѣстныя понятія были тогда въ модѣ, и что на нихъ смотрѣли какъ на необходимую принадлежность образованнаго человѣка. Но насталъ восемьдесятъ девятый годъ, и Дмитрій Никитичъ, при первыхъ раскатахъ революціоннаго грома, покинулъ Францію и возвратился на родину.

Здѣсь его приняли съ восторгомъ. Всѣ на него смотрѣли съ понятнымъ подобострастіемъ и дорожили честію быть приглашенными къ нему на обѣдъ или на вечеръ. Онъ былъ уже не молодъ, но сохранилъ еще правильныя и благородныя черты лица, и весь блескъ аристократическихъ пріемовъ. Правда, что сквозь этотъ лоскъ проглядывали довольно нагло цинизмъ разврата и хладнокровная жестокость эгоистической натуры, и надо прибавить, что Дмитрій Никитичъ не старался даже скрывать ни того, ни другаго, чувствуя свое превосходство надъ преклонявшеюся предъ нимъ толпою. Его циническія выходки придавали даже новый блескъ его славѣ.

Съ перваго раза какъ онъ увидалъ молодую Юлію, она поразила его своею красотой, и онъ тутъ же составилъ планъ дѣйствій, отъ котораго не отступалъ уже ни на шагъ. Онъ вкрался въ довѣріе семейства, что̀ могъ сдѣлать тѣмъ легче, что при патріархальныхъ нравахъ, которые еще долго сохранялись у насъ въ извѣстномъ мірѣ, родственныя связи давали большія права, и его привязанность къ племянницѣ не возбуждала ни малѣйшаго подозрѣнія. Съ другой стороны, онъ, незамѣтно для молодой красавицы, измѣнялъ постепенно характеръ своихъ отношеній къ ней, и скрывалъ тщательно понятія, которыя могли бы оскорбить ее. Сердце ея легко поддалось обману; но пришла, наконецъ, минута, когда она спросила себя съ безпокойствомъ, не зашла ли она слишкомъ далеко, и хотѣла отступить, но Дмитрій Никитичъ слѣдившій за ней пристально, не далъ ей время опомниться, и заговорилъ открыто языкомъ страсти. Его слова звучали такъ сладко въ ушахъ молодой дѣвушки, что она поняла невозможность возврата, и пришла въ отчаяніе. Ее воспитывали съ дѣтства въ самыхъ строгихъ религіозныхъ понятіяхъ, и она знала, что всякое незаконное чувство преступно передъ Богомъ, и что родственная связь прибавитъ еще новую тяжесть преступленію. Она повторяла себѣ ежечасно эти безотрадныя истины, стараясь измучить свое сердце мыслію о матери и сестрахъ, но понимала съ ужасомъ, что любовь беретъ верхъ надъ всѣмъ. Долго боролась она, долго плакала и молилась, и кончила тѣмъ, что помирилась съ грѣхомъ и срамомъ, и рѣшилась прервать всѣ узы съ семействомъ, и слѣдовать за Дмитріемъ Никитичемъ. Все казалось ей легче разлуки съ нимъ, да и могла ли она не полюбить его? Онъ стоялъ въ ея понятіяхъ на неизмѣримой высотѣ, и всѣ казались ей малы и ничтожны передъ нимъ!

Казалось, что все соединилось чтобъ ее погубить. Она жила тогда у тетки, надъ которою Дмитрій Никитичъ имѣлъ неограниченное вліяніе. Успѣлъ ли онъ ее уговорить содѣйствовать его планамъ, или умѣлъ ее обмануть, объ этомъ никто не знаетъ, но дѣло въ томъ, что они дѣйствовали заодно, и бѣдная Юлія сдѣлалась его жертвой. Семейство молодой дѣвушки было поражено какъ громомъ при этомъ извѣстіи. Въ продолженіи трехъ лѣтъ никто не зналъ о ея судьбѣ, но по истеченіи этого времени Александра Калинишна, пріѣхавъ въ Москву погостить у знакомыхъ, по-

лучила записку отъ сестры, которая умоляла ее пріѣхать къ ней, и прибавляла, что Дмитрій Никитичъ въ деревнѣ.

Прочитавъ записку, Александра Калинишна почувствовала, что у нея въ глазахъ потемнѣло. Она не дала себѣ даже опомниться, и выбѣжала на улицу.

Какъ билось сердце ея, когда отыскавши домъ, по присланному ей адресу, она отворила трепетною рукой дверь, взбѣжала по лѣстницѣ и вошла въ гостиную, не переводя духа. Но тутъ она остановилась какъ окаменѣлая, и чуть не вскрикнула. Передъ нею сидѣла блѣдная, исхудалая, чуть-живая Юлія. Ея красота пропала какъ утренняя роса. Черные глаза ея впали, и два алыхъ пятна горѣли на щекахъ. При звукѣ шаговъ, она подняла опущенную на грудь голову, и сестры обнялись, рыдая.

Онѣ такъ долго не видались, и въ продолженіе ихъ разлуки у каждой столько накипѣло на сердцѣ, что онѣ не знали въ первую минуту, что̀ сказать другъ другу и съ чего начать разговоръ. Юлія спрашивала смущеннымъ голосомъ о всѣхъ своихъ, повторяла, что преступна передъ ними, и говорила, что Богъ ее наказалъ.

— Да разкажи про себя, спросила ее, наконецъ, сестра,— какъ ты похудѣла! Ты больна?

— Ничего, отвѣчала она.

Александра Калинишна посмотрѣла на нее съ удивленіемъ.

— Право, ничего, продолжала Юлія, кашляя,—не бойся, я живуча.

Наступило минутное молчаніе.

— Юлія, начала опять Александра Калинишна робкимъ голосомъ,—скажи, ты счастлива?

Юлія не вдругъ рѣшилась отвѣчать; наконецъ взглянула пристально на сестру, и сказала рѣшительнымъ тономъ:

— Я тебѣ говорила, что Богъ меня наказалъ; я не была счастлива ни одной минуты. Лишь только я попала къ *нему* въ руки, я все поняла. Онъ не долго потѣшался моею красотой, а тутъ, какъ я ему наскучила.... Ахъ, Саша, страшно вспомнить, что̀ я отъ него слышала и какъ онъ меня оскорблялъ?

Александра Калинишна всплеснула руками:

— И ты его любишь? вскрикнула она.

— Нѣтъ, Саша, я его не люблю, его любить невозможно, когда его узнаешь.

— Такъ отчего же ты его не оставишь? Вѣдь ты не раба его. Уйдемъ со мною, уѣдемъ въ деревню. Какъ мать тебѣ будетъ рада, а сестры-то! И ты скоро поправишься дома. Нечего терять времени, прибавила она, вставая, — пойдемъ со мною.

Лицо Юліи мгновенно оживилось. Она весело взглянула на сестру и схватила ее за руку.

— Саша, воскликнула она, приподымаясь съ своего мѣста,—что̀ ты говоришь!

Но въ ту же минуту она опустилась опять на диванъ, и черты ея приняли свое обычное, сумрачное выраженіе.

— Нѣтъ, это невозможно, проговорила она.

— Да отчего же невозможно? Или ты матери боишься?

— Нѣтъ, я бы поцѣловала ея ноги, облила бы ихъ слезами, и я знаю, что она не оттолкнула бы меня, не прогнала бы назадъ къ нему, на грѣхъ и горе. Да я не смѣю уйдти... я его боюсь.

Александра Калинишна начала ее уговаривать и доказывать ей, что Дмитрій Никитичъ не имѣетъ надъ нею никакой власти, что она совершенно свободна, и что было бы нелѣпо его бояться.

— Все такъ, отвѣчала Юлія,—я и сама вижу, что ты права, да что̀ жь мнѣ дѣлать, коли я съ собою совладѣть не могу?... Вотъ, какъ только вздумаю, что онъ пріѣдетъ, да узнаетъ, что меня здѣсь нѣтъ, такъ просто руки похолодѣютъ.

— А тебѣ что̀ за дѣло? пускай онъ здѣсь бѣсится сколько хочетъ, ты будешь далеко, и онъ тебя уже не отыщетъ.

— Онъ меня вездѣ отыщетъ, Саша, ему любо меня глодать съ утра до ночи. Да я просто отъ одного страха умру, и васъ всѣхъ съ ума сведу. Нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ и думать-то страшно!

Александра Калинишна попробовала настаивать, но скоро поняла, что все ея краснорѣчіе пропадаетъ даромъ. Воображеніе Юліи, пораженное паническимъ страхомъ, не внимало никакимъ доводамъ. Она не оспаривала сестру, но повторяла только: „я его боюсь“, и разказала ей чрезъ какія страданія прошла она съ минуты ихъ разлуки. Какъ скоро Дмитрій Никитичъ удовлетворилъ грубому чувству, пробужденному въ немъ красотою молодой дѣвушки, Юлія сдѣлалась его рабою. Запугать ея робкій характеръ было не

мудрено, и страхъ, который онъ ей внушалъ, льстилъ его самолюбію. Онъ ни за что не отпустилъ бы ее отъ себя, потому что любилъ играть съ нею какъ кошка съ мышью.

— Иной разъ онъ ничего не говоритъ, а только смотритъ на меня, продолжала она.—а я дрожу какъ листъ....

Она пробовала искать утѣшенія въ молитвѣ, но Дмитрій Никитичъ запретилъ ей ходить въ церковь и даже держать образъ въ домѣ, и она разказывала съ ужасомъ, что не говѣла во все это время.

— Мнѣ часто кажется, что Господь совсѣмъ отъ меня отступился, говорила она, вся въ слезахъ. — Одна только надежда, что я не долго проживу. Вы, ради Бога, Саша, не плачьте обо мнѣ. Ты видишь сама, какова моя жизнь; вѣдь это Богъ надо мною сжалится, коли приберетъ меня.

Наговорившись и наплакавшись вдоволь, Александра Калинишна ушла къ себѣ съ разбитымъ сердцемъ и обѣщала придти на другой день.

Онѣ видѣлись каждый день до пріѣзда Дмитрія Никитича. По возвращеніи своемъ, онъ приказалъ Юліи сбираться немедленно въ деревню, а Александра Калинишна простилась съ сестрою какъ прощаются съ мертвецами.

И дѣйствительно, не долго нажила бѣдная Юлія. Чахотка, которая уже давно развивалась въ ней, пошла быстрымъ ходомъ. Силы покидали ее, и она окончательно слегла, а пособія не было никакого. Разъ, вечеромъ, ей стало какъ-то особенно тяжело. Ея горничная суетилась около нея и предлагала ей всѣ средства, которыми могла располагать.

— Нѣтъ, Аксинья, не нужно, сказала Юлія, едва внятнымъ голосомъ.—Но вотъ.... еслибъ Дмитрій Никитичъ позволилъ священника позвать.... попроси его, ради Бога....

Аксинья оробѣла, но душевная доброта взяла верхъ надъ невольнымъ страхомъ, и она вошла къ Дмитрію Никитичу.

— Что случилось? спросилъ онъ.

— Юлія Калинишна очень плохи-съ и просятъ.... нельзя ли имъ за священникомъ послать.

— Это зачѣмъ? спросилъ онъ хладнокровно. Вели послать въ городъ за докторомъ.

— Барынѣ скажи, что за священникомъ можно будетъ послать завтра, прибавилъ онъ, подумавъ съ минуту.

Однако Аксинья не двигалась съ мѣста и рѣшилась-было еще что-то сказать, но Дмитрій Никитичъ обернулся къ

ней и устремилъ на нее такой краснорѣчивый взглядъ, что она сама не помнила какъ вышла изъ комнаты.

Юлія ожидала съ трепетомъ ея возвращенія.

— Ну, что? спросила она, между тѣмъ, какъ дыханіе ея прерывалось.

— Не позволяетъ, отвѣчала Аксинья, не смѣя на нее взглянуть.—Сказалъ, что завтра.

Юлія зарыдала. Аксинья бросилась передъ нею на колѣна и обняла ее.

— Матушка, Юлія Калинишна, говорила она,—что жь вы это отчаиваетесь? Вѣдь ужь вы и такъ очистили вашу душеньку, и Господь Богъ видитъ ваше усердіе. Вы не плачьте; а я вамъ принесу святой воды, прибавила она понизивъ голосъ.

И она торопливо вышла, и черезъ нѣсколько минутъ возвратилась, держа въ рукахъ чашку и крестъ.

— Выкушайте богоявленской водицы, сказала она,—да вотъ я вамъ и крестъ принесла—онъ съ мощами.

Юлія перекрестилась, выпила святую воду, и приложившись къ Распятію, нагнулась съ усиліемъ къ жесткой рукѣ Аксиньи и поцѣловала ее.

— Богъ тебя не оставитъ, промолвила она;—да послушай, если увидишь кого изъ моихъ, скажи, чтобъ они меня простили, да помолились бы за меня.

Аксинья ее благословила, потомъ обняла съ рыданіемъ ея ноги и стала читать всѣ молитвы, которыя знала. Страдалица повторяла ихъ за нею и творила хладѣющими пальцами знаменіе креста. Но вдругъ ослабѣвшая ея рука опустилась на колѣна, и она замолчала. Аксинья не смѣла ее позвать и продолжала молиться, не спуская съ нея глазъ и прислушиваясь къ ея пониженному дыханію.... Къ утру она закрыла ей глаза.

Когда грустное извѣстіе дошло до семейства, Александра Калинишна впала въ страшное отчаяніе, и не успѣла еще опомниться, когда послѣдовали ударъ за ударомъ. Другія ея сестры вышли замужъ и были примѣрно несчастливы; четыре ея брата погибли насильственною смертью, и передъ нею потянулся длинный рядъ могилъ. Наконецъ, она скоро осталась послѣднимъ членомъ многочисленной семьи. Однако, страданіе не охладило ея любящаго сердца; она перенесла свою нѣжность на друзей и на дѣтей умершихъ сестеръ. Но какой-

то неумолимый рокъ преслѣдовалъ это несчастное семейство: не посчастливилось молодому поколѣнію, и оно стало, въ свою очередь, новымъ источникомъ горя для старушки.

Во время своего послѣдняго пребыванія у бабушки, Александра Калинишна объявила намъ, что рѣшилась поселиться въ отдаленномъ монастырѣ, гдѣ думаетъ нанять уголокъ у знакомой ей монахини, но постригаться не хотѣла. Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Москвы, она попала случайно на Кузнецкій мостъ, гдѣ очень плѣнилась гравюрою, представляющею голову Спасителя, и хотѣла ее пріобрѣсти, но цѣна, которую за нее требовали, превышала ея скудныя средства. Мы очень обрадовались этому случаю, позволявшему намъ оказать маленькое вниманіе доброй старушкѣ, которую любили душевно; мы купили гравюру, вставили въ рамку и подарили ей на прощанье. Она была очень довольна и сильно растрогана, и обняла насъ со слезами.

— Простимтесь за-живо, дѣти, сказала она, — ужь я сюда не вернусь, а вы ко мнѣ не попадете, и благословила насъ всѣхъ.

Съ тѣхъ поръ мы болѣе не видались съ нею. Она умерла, оплаканная всѣмъ монастыремъ, среди котораго спокойно протекли послѣдніе дни ея жизни.

Еслибы судьба привела меня когда-нибудь къ ея отдаленной могилѣ, съ какимъ глубокимъ чувствомъ уваженія и любви поклонилась бы я ея праху.

Т. ТОЛЫЧОВА.